

ЛЯНА ЗЕЛИНСКАЯ

ОГНЕННАЯ КРОВЬ

Ляна Зелинская
Огненная кровь. Том 2
Серия «Мир Коринтии:
Чёрная королева», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69363283
Л. Зелинская. Огненная кровь. Том 2:*

Аннотация

Хорошо родиться умной и красивой, получить в наследство гордость и свободолюбивый нрав, выйти замуж за наследника богатого поместья...

И плохо потом потерять отца, мужа и семейное состояние. Оказаться на грани разорения и костью в горле тёти-опекуна. А ещё хуже, что выход для тебя только один – брак с человеком, который глубоко противен.

Остается лишь надеяться на чудо: загадать желание, написать на листке бумаги, сжечь и доверить ветру...

И... не верить в то, что ветер тебя услышит.

Но однажды, на пороге появится глава одного из самых влиятельных домов Побережья и попросит твоей руки для своего сына. А сын, красив, галантен и умен... И так хочется верить, в то, что он пленен твоей красотой, умом, и свободолюбивым нравом, и что это не история про мышеловку и сыр...

Но это... та самая история.

Содержание

Часть 3. Время решений	6
Глава 17. Странные союзники	6
Глава 18. Неожиданные союзы	56
Глава 19. Дневники отца	85
Глава 20. Хороший совет	110
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Ляна Зелинская

Огненная кровь. Том 2

Ляна Зелинская

* * *

Часть 3. Время решений

Глава 17. Странные союзники

*«...а потом он вернулся, Учитель, и я думал было, что пора мне снова прятаться. И скажу я вам, лицо у него было такое – краше в гроб кладут. И ежели бы мне надо было ставить ему диагноз, то я бы сказал *Delirium furens*¹ (это по настоянию Альберта учу теперь лекарский язык и выучил уже пять страниц).*

Так вот, он ходил из угла в угол, будто и вовсе не в себе, уж молчал и всё ждал, когда же рванёт. Но не рвануло. Он притащил несколько книг, читал их весь день, как одержимый, и восклицал: «Ну, конечно!» и «Я идиот!», не ел и даже не пил вина (что странно!).

А после лежал долго в горячей ванне с задумчивым видом (читайте – в кипятке, потому что моются они тут такой горячей водой, что с меня едва кожа не слезла вместе с волосами!) и сказал, чтобы я приготовил лучший его наряд для бала, только вид у него был такой, будто он собирался не на бал вовсе, а разом на драку, похороны и эшафот. Я уже молился всем Богам и решил, что, была не была, пойду

---

¹ лат. – «буйное помешательство».

с ним, тем более что встретил я тут чудесную девушку, Учитель. Зовут её Армана, и я позвал её на свидание. Так что будем мы с ней следить за нашими хозяевами, как бы чего не вышло. Она, кстати, и есть служанка той самой Иррис, о которой я писал выше.

Отпишусь вам вскоре, потому как, чую я, неприятности близко. И гора эта страшная плюётся дымом второй день, а сегодня поутру и вовсе взбесилась. Думал я, рухнет на нас потолок, так всё трясло. И как только они все не боятся? А ведь не то, что не боятся – сегодня вечером по всему городу праздник в честь этого, вот и подумай, что у них тут за нравы?

Всех вам благ и долголетия, Ваш верный Цинта».

– Цинта? Ты сегодня подозрительно молчалив, и, судя по пяти листам твоего письма, я, похоже, натворил что-то ужасное? – спросил Альберт с усмешкой, разглядывая в зеркало воротник рубашки.

– Ставлю свои башмаки на то, что это так и есть, – хмуро ответил Цинта.

– И почему же ты так думаешь? Чутьё?

– А хоть бы и чутьё. Ты уж, ясное дело, так прихорашиваешься не для того, чтобы воздать почести чьей-то помолвке. Я ни разу не видел, чтобы ты столько времени перед зеркалом проводил.

Альберт провёл рукой по волосам и произнёс с какой-то

безысходностью в голосе:

– Она снова меня отвергла.

– Да я уж не дурак, догадался. Только чего ты ожидал, мой князь? Что она упадёт тебе в объятия? С чего бы? У неё вообще-то жених есть – будущий верховный джарт и красавец к тому же, и она помолвлена, – Цинта подал ему фрак, – тебе надо её забыть, мой князь, мало ли на свете женщин!

– Забыть? – воскликнул Альберт. – Как ты себе это представляешь? Это невозможно, даже если бы я захотел, потому что она здесь, каждый день у меня перед глазами! Но дело даже не в этом...

– А в чём?

– В том, что я не хочу её забывать, – он прислонился к шкафу, – можешь ли ты поверить, что боль может быть приятной?

– Приятной? Боль? – Цинта недоумённо посмотрел на хозяина. – Как это вообще понимать?

– Я и сам не знал такого раньше. Но как бы больно ни было всё, что связано с Иррис... мне с каждым разом хочется этого всё больше, – задумчиво произнёс Альберт.

– *Similia similibus curantur*², – произнёс Цинта с выражением и поднял вверх палец, – тебе нужно найти себе другую женщину, мой князь.

– Пфф! Смотрю, ты преуспел в языке, – усмехнулся Альберт, а потом добавил серьёзно, – я никогда не испытывал

---

² *лат.* – подобное излечивается подобным.

ничего подобного, Цинта. Чего-то настолько волнующего, безумного и восхитительного. И уж, поверь, я не собираюсь просто так расставаться с этими чувствами. Мне не нужна другая женщина. Никакая другая женщина не излечит меня. А что ещё хуже, я не хочу излечиться от этого.

– Чего же тогда ты хочешь?

– Хочу, чтобы она стала моей. И я готов терпеть эту боль, потому что, чем сильнее боль, тем сильнее потом будет наслаждение. *Amabilis insania*³.

– Охохошечки! А ты и правда, совсем спятил! Ну, получишь ты её, а что дальше?

– Дальше? – Альберт надел фрак. – Если честно, то я пока не думал об этом.

– Вот видишь! Ты совсем, как безумец, который нашёл в лесу волшебный цветок и, поддавшись порыву, выкопал и принёс в кармане! А цветок возьми и завянь! Цветку, знаешь ли, нужен сад, клумба и уход. И заботливый садовник. У тебя разве это есть? Подумай, с чего бы ей бросать ради тебя своего жениха? Он, красив, знатен, он будущий верховный джарт и у него есть дворец, полный слуг! А что есть у тебя? Ненависть и шлейф врагов? Ты же готов погибнуть в битве за место верховного джарта, и что ей делать потом? Куда податься? Помнишь, я просил тебя не обижать эту девочку? И что ты мне сказал? «Можно подумать, что я только тем и занимаюсь, что обижаю девочек», – Цинта передразнил Аль-

---

³ лат. – «приятное безумие».

берта и добавил серьёзно, – отступись, мой князь. Не погуби волшебный цветок.

Альберт посмотрел на Цинту как-то странно, а потом расплылся в довольной улыбке и, схватив его за плечи, потрянул несколько раз:

– Дуарх бы тебя побрал, таврачий сын, а ведь ты прав! Прав! Разрази меня гром!

Цинта смотрел на него непонимающе и осторожно спросил:

– В кои-то веки я прав! И в чём же?

– В том, что моему цветку нужно где-то расти.

– Охохошечки! Да я совсем не это имел в виду, – пробормотал Цинта.

– Нет, ты абсолютно прав, и я, пожалуй, приму все предложения от моей родни – от Гасьярда, от Эверинн и Себастьяна. Я стану богат. Куплю дом, заведу детишек, что ты ещё мне там советовал? И провалиться мне в пекло, но я готов обменять Иррис на Красный трон! Я отступлюсь, пусть Себастьян становится верховным джартом, мне всё равно, если она будет моей, – глаза Альберта сверкнули странным огнём.

– Да ты в своём уме, князь? – всплеснул руками Цинта. – Ты что же, думаешь, Себастьян вот так запросто тебе её отдаст?

– Посмотрим, что перевесит в нём – желание стать верховным джартом или любовь к Иррис.

– А ты уверен, что она захочет пойти с тобой? Ты её вооб-

ще спрашивал? С чего ты так уверен-то в её чувствах? Может, она любит Себастьяна? Насколько я помню, в прошлый раз она отхлестала тебя по лицу, и вот сегодня тоже отвергла! – воскликнул Цинта в отчаянии, видя, что доводы рассудка совсем не действуют на Альберта.

Но тот только усмехнулся и произнёс задумчиво, проводя рукой по шёлковым лацканам фрака:

– Когда женщина не хочет быть с тобой, когда ты ей безразличен, поверь, это заметно. Она глуха и слепа, она не слышит подтекста в твоих словах, она не замечает нежности в твоём голосе, не смущается, не трепещет и не пылает, как факел от твоих взглядов, не дышит через раз, когда ты стоишь с ней рядом. И у неё на шее не бьётся пульс так, что даже на расстоянии ты ощущаешь это биение. Она не станет оставаться с тобой наедине, имея возможность тысячу раз уйти, – Альберт похлопал Цинту по плечу и добавил, – я не безразличен ей, Цинта. Я это знаю. Я видел это сегодня в её глазах. Просто она слишком правильная, чтобы без колебаний упасть в мои объятия и отказаться от Себастьяна. И поэтому мне придётся идти длинным путём и сделать так, чтобы Себастьян сам отказался от неё.

– А как же Красный трон? – спросил с прищуром Цинта, предприняв последнюю попытку образумить Альберта. – Давеча ты ехал сюда с одним желанием – перебить родню и стать верховным джартом. С чего вдруг такая перемена в желаниях, мой князь?

– С того, что только дураки и ослы неизменны в своих желаниях.

* * *

«Дальше не станет легче».

Армана шнуровала её бальное платье, а Иррис думала. Нет, легче и правда, не становилось, становилось с каждым мгновением всё тяжелее. Когда утром она спешно вернулась из библиотеки, весь дворец уже гудел, как улей. Все высыпали к окнам, рассматривая белый столб дыма, что поднимался над вершиной, перешёптывались радостно, но в чём была эта радость, для Иррис так и осталось загадкой.

Завтрак накрыли на небольшой террасе с видом на море и гору, и в этот раз к ним с Себастьяном присоединился Гасьярд. Его появление Иррис показалось довольно странным. Он был гладко выбрит, тщательно причёсан и одет с иголки, поклонился церемонно и поцеловал руку, но ей показалось, что поцелуй этот был слишком долгим, и её руку Гасьярд выпустил как-то неохотно. А затем он расположился прямо напротив, и его немигающий внимательный взгляд заставил сердце Иррис сжаться в недобром предчувствии.

Зачем он здесь? К чему все эти церемонии? Почему он так на неё смотрит?

Себастьян сегодня был приветлив и мил, сел рядом и спрашивал её о, казалось бы, обычных вещах – как ей спалось, как ей нравится погода и готова ли она к сегодняшнему балу, но под цепким взглядом Гасьярда, казалось, что все эти вопросы с подвохом.

Слуги разливали ароматный чай, свежие булочки пахли корицей и апельсиновый джем лежал на них янтарными каплями, но у Иррис совсем пропал аппетит.

– Как ты провела сегодняшнее утро? – спросил внезапно Гасьярд, глядя на неё поверх чашки из тончайшего фарфора. – Охрана говорит, ты встала с рассветом...

Этот вопрос был таким внезапным, что она даже растерялась.

Он говорил с охраной? Он что, следит за тем, куда она ходит?

– Я... была в библиотеке. Читала, – она сжала свою чашку обеими руками, чтобы не видно было, как они дрогнули.

– Так рано?

– Я люблю ранее утро, всегда встаю рано, – ответила Иррис уклончиво.

– И что ты читала?

– Поэмы... Поэмы Оллита, – ответила она.

– Читать поэмы так рано поутру, – Гасьярд чуть улыбнулся.

ся, – это романтично. Надеюсь, никто тебе не мешал?

– Дядя, кто мог ей помешать в библиотеке? Туда же ходит только тётя Эв, а как ты знаешь, она спит до полудня, – ответил за Иррис Себастьян.

– Ну мало ли, в связи с этой помолвкой дворец полон гостей, – ответил невозмутимо Гасьярд.

– Нет, мне никто не мешал, – поспешно ответила Иррис, надеясь, что на этом вопросы прекратятся.

Но Гасьярд посмотрел в чашку, словно на её дне лежал целый список таких вопросов, а потом снова перевёл взгляд на Иррис:

– Значит, ты была одна?

– Да, – ответила она коротко, впившись пальцами ног в подкладку туфель.

Вопрос был настолько неожиданным, что она солгала. Зачем она это сделала? Наверное, потому что надеялась прекратить этот странный допрос, а может, потому что это было менее ужасно, чем рассказывать о своей встрече с Альбертом. Но потом она подумала, что каждый раз, когда ей приходится лгать, пытаюсь всё упростить, всё только усложняется. Эта ложь потянет следующую, и следующую, и если Альберт вдруг скажет, что говорил с ней утром в библиотеке, это... Это будет просто позор!

Но исправить уже ничего нельзя. Признаться в том, что на самом деле произошло, она так и не смогла. Лишь смотрела мимо Гасьярда на Грозовую гору, чувствуя, как колотится

сердце.

«Здесь завтракают ложью, едят её на обед и даже дышат ею. Если ты хочешь здесь выжить – тебе придётся этому научиться».

И слова Альберта вспомнились так некстати.

Неужели ей и в самом деле придётся этому научиться? Почему Гасьярд вообще об этом спросил? Зачем он говорил с охраной? А если их всё-таки кто-то видел? Боги милосердные, это просто невыносимо!

– И ты не заметила ничего странного? Или необычного? – спросил он снова.

– Нет, – ответила Иррис коротко.

– А я думал ты поинтересуешься, что я подразумеваю под «странным и необычным», – он чуть улыбнулся.

– Это было утро, как утро, – ответила она, поставив чашку неловко, так, что она звякнула о блюде, – тишина, рассвет, книги. Я читала, а потом раздался гул, всё затряслось, я вернулась к себе и увидела столб дыма над горой. И дым, это, разумеется, необычно. Но дым видели все, а не только я, – ответила она, сложив руки на коленях.

А Гасьярд спрашивал снова и снова, и все вопросы крутились вокруг этого утра, и с каждым вопросом Иррис всё больше погружалась в пучину отчаянья – он знает! Или по-

дозревает... Или что тогда ему от неё нужно?

Какое дело вообще Гасьярду до неё и её утренних занятий?

Себастьян игнорировал вопросы дяди, временами отшучивался или говорил о постороннем, и, вконец измучившись этим допросом, Иррис нащупала под столом руку жениха и чуть сжала её. Он понял. И на этом завтрак закончился.

Они вышли на короткую прогулку в сад, после которой Себастьяну нужно было заняться приёмом послов и подготовкой к балу. Гасьярд удалился, вежливо откланявшись.

Иррис шла рядом с женихом и думала о том, что произошло, о Гасьярде и сегодняшнем утре, и вспомнила слова Таиссы:

«Тебе следует поторопиться со свадьбой Себастьяна. Если о тебе узнала я, то завтра о тебе узнает вся наша прозорливая стая. И когда они до тебя доберутся – от тебя даже перьев не останется».

Теперь она понимала, о чём были эти слова.

Она должна сделать это.

Иррис остановилась на лестнице, ведущей в сад, и произнесла тихо:

– Послушай...

Себастьян повернулся к ней, стоя на ступеньку ниже, и лица их оказались совсем близко.

– Извини Гаса, мой дядя бывает очень навязчив, просто не обращай внимания. Он переживает насчёт нас с тобой.

– Послушай, – она опустила глаза, а потом, вдохнув поглубже и набравшись смелости, сказала, – я знаю, что всё ещё траур... и у тебя впереди поединок и... много всего... Но я хотела спросить... мы можем пожениться быстрее?

Глаза Себастьяна блеснули, а губы тронула улыбка. Он какое-то мгновение смотрел ей в глаза, будто ища ответ, а затем подался вперёд и его руки легли ей на плечи, спустились вниз к локтям и притянули к себе. И, прежде чем она успела опомниться, Себастьян её поцеловал, медленно и нежно, скользнув меж губ кончиком языка и вызывая на ответный поцелуй. Прижал всем телом к мраморной колонне, поддерживающей портик и, обнял так сильно, что почти лишил возможности дышать.

В прошлый раз, когда они завтракали на горе, ей понравился его поцелуй, тогда он был таким же нежным, и это было очень приятно, но сегодня почему-то вдруг вспомнился совсем другой поцелуй – сильный, страстный и грубый, и ночь, и озеро, и то чувство, пьянящее сильнее, чем вино. И руки Альберта, сжимавшие её в объятиях. И сама от себя такого не ожидая, она ответила Себастьяну слишком порывисто и страстно, будто отвечала на тот поцелуй у озера, и, смутившись этого порыва, тут же отстранилась, наклонила

голову и упёрлась руками в грудь Себастьяна.

– Здесь слуги кругом, – прошептала, заливаясь краской.

Себастьян поднял её лицо за подбородок, и она увидела, как сияют его глаза.

– Я тоже хочу этого, – произнёс он тихо и голос его был глухим, – очень хочу. Но Гасьярд сказал, что всё равно ждать придётся почти месяц. Для ритуала нужно особое время. Хотя я поговорю с ним, быть может, можно что-то сделать.

Боги милосердные! Как же невыносимо стыдно!

Они спускались в сад, держась за руки и переплетя пальцы, а Иррис сгорала от стыда, и почти ненавидела себя за то, что случилось.

Как избавиться от этого треклятого наваждения? Как сделать так, чтобы Альберт исчез из её жизни и не тревожил её этими воспоминаниями о поцелуе и своими секретами? Если сегодня он встал между ними в такой момент, что будет завтра?

И её мысли невольно возвращались к утреннему разговору в обсерватории, о надеждах и грядущих трагедиях.

Он ей угрожал... Что он сделает дальше? А что теперь делать ей?

Если бы Альберт вёл себя, как ведут воспитанные люди, если бы соблюдал правила приличия, всё бы оставалось в рамках этих самых приличий, где отказ является отказом и где определённые слова ставят на место любого, кто переступил черту. Вот только Альберту плевать и на правила, и на воспитание. Да он вообще не знает, что это такое! И если бы он всегда был язвительен, саркастичен или напорист, нагл или груб, как тогда на озере, ей бы легко было давать отпор.

Но когда они оставались вдвоём, он менялся, становился совершенно другим, таким близким и невероятно притягательным. В его лице и глазах читались такие отчаянье и жажда, и смятение, и ожидание, будто в её руках в этот момент находилась вся его жизнь, и от неё зависело казнить его или миловать. Он был таким открытым и искренним, что оттолкнуть его грубо было выше её сил. В такие мгновенья она не могла выдавить из себя ни слова, она становилась косноязычной, способной лишь смущаться, слушать то, что он говорит и впитывать его огонь. И от его слов, от этой близости и этого огня всё в ней вдруг сходило с ума, рождая внутри тот самый вихрь.

И как ей с этим бороться? Как победить это притяжение? «Разве женщина может дружить с мужчиной? Разве может курица дружить с лисой?»

Кажется, сегодня она впервые по-настоящему поняла, что имела в виду тётя Огаста, когда говорила ей эти слова. И как глупа она была, предлагая Альберту быть друзьями. Она не должна больше оставаться с ним наедине, не должна вести задушевных бесед о поэмах и читать ему стихов, не должна быть честной и давать ему в руки всё новые и новые возможности управлять её волей. Она должна закрыться и лгать ему, если понадобится, стать грубой и жестокой, и может даже ранить его чувства, и тогда, быть может, это притяжение разрушится. Ей нужно разорвать эту связь, родившуюся из их общей тайны, и как можно скорее выйти замуж за Себастьяна. И, хотя это очень неприятно, но ей придётся попросить Таиссу в этом помочь.

Среди дня, собрав в кулак всю свою волю, Иррис направилась в покои Таиссы и, выдержав ледяной поток презрительного превосходства, которым встретила этот визит будущая золовка, всё-таки попросила её о помощи со свадьбой.

Так надо. Это правильно.

Иррис успокаивала себя, внутренне спрятав свою гордость и стоя перед Таиссой, как ученица перед строгим учителем.

– И с чего это ты вдруг решила, что стоит прислушаться к моему совету?

– Наверное, это из-за змеи в подарках, – ответила Иррис,

стараясь выразить всем своим видом беспомощность и растерянность.

Она стояла у кресла, сжимая в руках платочек, сесть ей так и не предложили.

– Ты о глупой выходке Милены? Не думаю, что она на самом деле хотела тебе навредить. Она бы, не задумываясь, подбросила в постель ашуманскую гадюку, и ты была бы уже трижды мертва. Скорее, Милена просто разозлилась. Но напряжение нарастает. Себастьян рассказал историю с твоей каретой – в дороге тебя, возможно, пытались убить. А сегодня все просто на иголках из-за горы, – Таисса подошла к ней и, глядя прямо в глаза, сказала, – признаться, я не ожидала, что ты сможешь так расшевелить моего флегматичного брата. И видя, что происходит, поверь, обязательно найдётся кто-нибудь, кто захочет отпить из твоего колодца.

– Что? Как это понимать? – удивлённо спросила Иррис, а сердце дрогнуло.

– Помолвка – это не рабство, а всего лишь договор. И ритуал, которым связал вас Гасьярд – обратим. Связь можно разорвать и соединить тебя с кем-то другим. А видя, на что ты способна, я уверена, что кто-нибудь обязательно захочет это сделать, – назидательно говорила Таисса. – Так что твоя просьба очень кстати, и ты, признаться, удивила меня своим благоразумием. Ты боишься – и правильно делаешь. Думаю, можно будет устроить свадьбу сразу после совета. Небольшая церемония в кругу семьи, а уж большое торжество через

месяц.

– Но Гасьярд сказал, раньше нельзя.

Таисса медленно обошла Иррис, направилась к трюмо, взяла флакон духов и, задумчиво капнув немного на запястье, понюхала и сказала:

– Я не верю старому лису, в отличие от моего брата. И думаю, что надо поговорить с тётей Эв. А пока, если хочешь защититься от всех, я бы дала совет, но боюсь, он тебе не понравится.

– Какой совет? – спросила Иррис настороженно.

Таисса обернулась.

– Если у тебя не было ещё настоящей близости с моим братом, а я думаю, что это так – советую тебе поторопиться с этим.

– Что? До свадьбы? – Иррис почувствовала, как краснеет. – Зачем?

– Да уж! Сразу видно – воспитание кахале! – фыркнула Таисса, закатив глаза. – Тебе уже пора понять, что мы – другие. И всё это ханжество кахале не имеет для нас никакого значения. Значение имеет только сила, а в твоём случае её рожают чувства. Чем сильнее они между тобой и Себастьяном, тем больше в нём силы, тем сложнее кому-то будет разорвать вашу связь и навредить тебе и ему. И чем быстрее ты окажешься в его постели, тем быстрее эта связь укрепитя настолько, что попытки станут бесполезны. Любовь, милая Иррис, сейчас твоё единственное оружие. Уж будь добра,

сделай так, чтобы мой брат был от тебя без ума, а ты от него. Ты же была замужем, должна знать, как зажечь в мужчине огонь. И если весь этот переполох сейчас из-за одних только ваших поцелуев, то подумай, что случится с горой, когда вы станете по-настоящему близки! Тогда никто не станет покушаться на тебя или Себастьяна. Сделай это, а я пока займусь твоей свадьбой, – Таисса распахнула веер и, обмахнувшись несколько раз, добавила с чувством выполненного долга, – ты можешь идти, и, если что услышишь, будь добра, расскажи мне.

Когда Иррис вышла от неё, на душе скребли кошки, и было полное ощущение того, что её только что вываляли в грязи.

Боги милосердные, как же всё это отвратительно!

Она вспомнила, как в Мадвере после грозы она стояла на берегу, думая о Себастьяне. О его красивом лице и голосе, о сиянии в глазах, и о том, как жестоко поступает судьба, толкая её на брак с мэтром Гийо и лишая выбора. А вот сейчас ей показалось, что её снова лишают выбора. И что, кажется, нужна она здесь лишь за тем, чтобы давать силу будущему верховному джарту, а в остальном «в ней нет смысла», как сказала Таисса в первый день их знакомства.

А любит ли её Себастьян? Или тоже видит в ней только

Поток?

Ей впервые пришла в голову мысль, что возможно Себастьян тоже видит в ней только средство для того, чтобы получить Красный трон. Она прислонилась к колонне, поддерживающей своды галереи, и закрыла глаза, думая о том, что произошло сегодня утром в библиотеке.

Почему между ней и Себастьяном нет такого сумасшедшего огня? Почему его прикосновения не рождают в ней тот странный вихрь? Почему она ничего этого не испытывает, хотя их связал ритуал, и теперь они открыты друг другу?

Она не знала. И что самое плохое – ей не у кого было об этом спросить.

Её окружают только враги, кроме Себастьяна и Таиссы, да и то будущая золовка терпит её лишь потому, что она может быть полезна. Но, по крайней мере, от неё не стоит ожидать змей в коробках – и это хорошо.

Иррис стояла, вцепившись пальцами в перила, глядя на приготовления к празднику. Она думала долго, подставив лицо лёгкому бризу, и, наконец, решила для себя, что делает то, о чём попросила её Таисса. Приложит все усилия, чтобы свести Себастьяна с ума, раз это защитит их союз. А самое главное – и она на это надеялась, что тогда, наконец, разорвётся эта странная связь между ней и Альбертом. Он

должен увидеть, что она любит своего жениха, что она от него без ума, что у него нет никаких шансов, и тогда он отступит. Через неделю они поженятся, и пути назад не будет.

И хотя всё в ней протестовало против такого плана, она усилием воли подавила в себе эти сомнения. Они жених и невеста, они помолвлены, скоро свадьба. Да, лечь в постель с ним до свадьбы – это вопиюще по меркам её тётушек, но где теперь тётушки? А вот оказаться разменной монетой в играх за место верховного джарта гораздо страшнее осуждения. Да и кому её судить?

Армана затянула шнуровку, расправила складки и произнесла довольным голосом:

– Ну вот, миледи, всё, теперь вы стройная, как тростинка. И чудо, как хороши!

Иррис окинула себя взглядом в зеркале – отчего-то строгий фасон платья и голубой цвет сделали её совсем хрупкой и беззащитной в этом огненном царстве, а она ведь хотела совсем другого эффекта.

Когда пришёл Себастьян, она на мгновенье замерла за дверью, внезапно подумав, а как он воспримет её голубое платье? Не решит ли, что это неуважение к его Дому? К традициям? Ведь когда она выбирала этот наряд, она подумала обо всех его родственниках, о том, чтобы бросить вызов им, но вот про Себастьяна она не подумала совсем.

И выйдя из-за двери, смущённо развела руками и произнесла как-то виновато:

– Надеюсь, это ничего, что я его надела?

Но вместо осуждения или упрёка она увидела, как засияли его глаза, отражая желание.

– Оно очень тебе идёт, – произнёс он негромко.

– Просто оно не в цветах твоего Дома, и я сомневаюсь...

– Это всего лишь платье, Иррис.

Он в три шага преодолел расстояние между ними, привлёк её к себе и поцеловал, снова вогнав в краску, потому что в соседней комнате была Армана, и потому что его желание было слишком очевидным. Но, вспомнив о своём плане, Иррис не стала отстраняться, наоборот, прильнула к нему всем телом, обняла за шею и ответила на поцелуй. И, кажется, в это мгновение впервые почувствовала, что ему по-настоящему не хочется её отпускать, и, если бы не обязанность открывать бал и принимать гостей, он бы остался здесь с ней.

Но от этого чувства, от того, что она не совсем искренна с ним, и что своему порыву она обязана скорее планом, чем желанием, ей стало стыдно. И хотя ей нравились его поцелуи, и прикосновения, и его забота, но горький осадок необходимости не давал насладиться ими, отравляя всё, что было прекрасного в этом романтическом периоде их отношений.

*Как же это трудно – всё время лгать и притворяться!
И как мучительно.*

Ей бы хотелось узнавать его постепенно, принимать его

ухаживания, гулять с ним в саду и разговаривать о разном, спокойно готовиться к свадьбе и не быть на виду у всей этой толпы желающих «отпить из её колодца». Чтобы чувства раскрывались неторопливо, как лепестки цветка, чтобы ожидание встреч было нестерпимым, а поцелуи желанными, и ей хотелось испытывать трепет и замирание сердца, и огонь...

...совсем, как с Альбертом...

... и не думать о том, как соблазнить жениха до свадьбы, чтобы укрепить связь чего-то с чем-то.

– Ты готова к целому вечеру танцев? – спросил Себастьян тихо, ослабив, наконец, объятия и проведя ладонями по её плечам.

– Даже не знаю, – улыбнулась она смущённо в ответ и отвела глаза.

– Ничего не подделаешь, как будущей хозяйке этого дома, тебе сегодня придётся принимать гостей и танцевать со всей моей многочисленной роднёй... исключая, конечно, сестёр, – усмехнулся он и подал ей руку. – Идём?

– Идём.

Дворец окутали первые душистые сумерки.

Иррис и Себастьян направились по лестнице в большой внутренний двор, украшенный цветами и гирляндами. Повсюду уже горели фонари и факелы, ночные светильники украшали ветви деревьев в саду, и слуги сновали с подносами, на которых громоздились пирамиды из фужеров с вином. На галерее расположился оркестр, настраивая инстру-

менты, и ему вторили цикады, наполняя вечер звонкими трелями. Пол под ногами гостей устилал ковёр из лепестков роз, дурманя ароматом, а воздух стал тих и недвижим, ни малейшего ветерка, так что все звуки доносились отчётливо. Где-то в городе взрывались хлопушки, взлетали фейерверки над бухтой, и доносилось пение – Эддар уже праздновал вовсю.

Внизу лестницы их встретила Таисса. Окутанная кремово-розовым шёлком, грациозная и величественная, она подошла с улыбкой королевы и, приобняв Иррис за талию, церемонно поцеловала в щёку, сопроводив это всё традиционным приветствием, не забыв отметить «оригинальный» цвет её платья.

– Милая Иррис, приём гостей – занятие утомительное, – проворковала она, вставая по другую руку от брата, – и я помогу тебе. Можешь не благодарить – мы же будущие родственники.

– Спасибо, – коротко ответила Иррис, перехватив усмешку во взгляде Себастьяна.

Таисса сделала именно то, к чему стремилась – попыталась взять на себя роль хозяйки дома. Но в данный момент Иррис было всё равно. Она смотрела на множество приглашённых гостей, наверное, несколько сотен, столы с закусками, вином и фруктами, расставленные с одной стороны и целую армию слуг в белых одеждах. Она даже не думала, что у сегодняшнего торжества будет такой размах.

Таисса встала рядом и, чуть склонившись к уху Иррис,

прошептала:

– Тётя Эв обещала помочь со свадьбой.

Боги милосердные, дайте мне сил!

Сегодня она должна влюбить в себя Себастьяна. И сделать так, чтобы никто не сомневался в том, что и она безумно в него влюблена.

Чтобы Альберт не сомневался...

Даже если гора эта треклятая взорвётся совсем.

* * *

Альберт разглядывал гостей.

Большинство из них он помнил с трудом, кого-то и вовсе не знал, да и нужды знать их всех особой не было. Он кивнул тёте Эв, отсалютовал бокалом Тибору и отпил немного вина. Мимо прошёл Драгояр с надменным выражением лица, разодетый и сверх всякой меры облитый духами, Альберт окинул взглядом его бордовый фрак с пурпурной траурной лентой в петлице и отвернулся. Тут же промелькнул пройдоха Грегор, сдержанно кивнул ему, но так, чтобы никто не видел, и исчез в толпе. А следом появился Гасьярд. Прогуливаясь неспешно в тени галереи, он наблюдал за гостями.

От строго траура у всех остались лишь пурпурные ленты – в петлицах у мужчин и на плечах или запястьях у дам, и Альберту показалось, что, по большому счёту, никто не расстроен тем фактом, что Салавара здесь больше нет.

Толпа развлекалась в ожидании бала, разглядывая мимов, фокусников и шутов. В жаровни капнули ароматного масла, и тёплый цветочный дух накрыл двор, закружил голову, заставляя забыть о делах. И только Альберт не мог расслабиться, выискивая глазами знакомую фигуру, но её пока не было.

– Здравствуй, Альберт, – слышалось рядом, он покоился и увидел голые плечи Милены, украшенные россыпью бриллиантов.

– Ты снизошла до приветствия, сестрёнка, – усмехнулся он, не глядя на неё, – значит, вечер обещает быть интересным. Надеюсь, под платьем ты не прячешь очередную змею?

– Почему все думают, что это я?! – воскликнула она с непритворным возмущением.

– Ты же тут главная злодейка.

– Я, может, и главная злодейка, но далеко не дура, – фыркнула Милена, – подбросить змею, чтобы все тут же подумали на меня? Я ещё в своём уме.

– Ну, может, здравый смысл в этом и есть, но вы с Драго-аром не всегда руководствуетесь здравым смыслом. Подбросил же он мне под дверь дохлого стрижа! – хмыкнул Альберт в ответ.

– Подбросить дохлого стрижа бастарду и положить змею

в подарок будущей жене возможно будущего верховного джарта, согласишься, это не одно и то же! – произнесла Милена с негодованием.

– Пожалуй, соглашусь, что сегодня твоё здравомыслие просто на высоте, – Альберт посмотрел на неё искоса, – судя по тому, что ты не боишься подцепить блох от шелудивого пса, тебе что-то от меня нужно. Так что я само внимание.

– Я ищу союзников, – произнесла она без обиняков.

– Ты же не всерьёз думаешь, что я и ты... хм, серьёзно? Союзники? Я, ты и Драгояр? Вообще-то после бала, если ты помнишь, мы собирались с твоим братом как следует подраться.

– Драки драками, а союзы союзами. То, что вы сломаете друг другу пару рёбер, никак не помешает нам после объединиться на взаимовыгодных условиях, – ответила Милена, взяв в руки изящный бокал с вином.

– И почему я должен объединяться с вами? Вы в меньшинстве против Себастьяна, да и я недёшево буду стоять.

– Драгояр сильнее Себастьяна. А я сильнее Таиссы. За тобой пойдёт Тибор, с Грегором я тоже договорюсь, и силы буду на равных.

– И что я получу взамен?

– А что ты хочешь получить? Стать главой одного из кланов? Денег? Патенты на торговлю?

– Патенты? И откуда они? – несколько удивился Альберт.

– Наша мать и её прайд теперь, когда не стало отца, под-

держит нас и обеспечит ими. Ты можешь быть очень богат, – Милена посмотрела на него и понизила голос, – и потом, подумай, что тебе предложит Себастьян – стать главным над конюшнями? Или купальнями? У него есть Таисса, Гасьярд, Эверинн, будущая жена, наконец. Истефан в рот смотрит дяде Гасу и ему тоже предложат жирный кусок, так что тебе там просто ничего не светит. И всё останется, как было. Мы же можем предложить тебе статус и деньги и всё изменить в этом доме.

Она сулила золотые горы, но он отвернулся и слушал её вполуха – на центральной лестнице, ведущей к месту торжества, появились Иррис и Себастьян. И Альберт впился глазами в изящную фигурку в голубом платье, которая выглядела здесь так странно – беззащитным мотыльком, случайно залетевшим в это царство беспощадного пламени. Он видел, как её обняла Таисса, и как встала рядом, помогая принимать гостей, как рука Себастьяна обняла Иррис за талию, и он склонился, шепча ей что-то на ухо, а она улыбнулась в ответ. И в этот момент Альберт как-то особенно остро ощутил то, что Иррис принадлежит другому.

Проклятье!

– Мысль о том, что нами будет управлять Драгояр, мне как-то не по душе, – сухо ответил он Милене.

Она наклонилась к его уху и произнесла тихо:

– А кто сказал, что Драгояр будет реально чем-то управлять? У него и так полно любимых занятий – скачки, турниры или муштра его гвардии, пусть управляет, ты же не против?

Альберт повернулся к ней: пухлые губы с капризным изгибом, слишком откровенное алое платье, белокурые локоны спадают каскадом на плечо, россыпь бриллиантов на груди и шее, и духи, окутывающие её загадочным шлейфом. Слишком яркая, почти до вульгарности, слишком соблазнительная и уверенная в своей красоте, и глупая – такой она казалась со стороны, если бы не взгляд, полный синего льда. Альберту вдруг подумалось, что Боги, видимо, посмеялись над ней при рождении, поменяв их души с братом местами – в теле Драгояра эта женщина чувствовала бы себя гораздо комфортнее, и каждый из них был бы на своём месте.

– За всяким успешным мужчиной всегда стоит умная женщина, – произнёс он, погружаясь в хищную голубизну этих холодных глаз, – ты столько лет играла роль красивой дурочки, почему вдруг она перестала тебя устраивать?

– К красивым дурочкам наш отец всегда был снисходителен, и меня никогда не били кнутом за мои проделки. Вернее, за мои проделки кнутом били тебя, надеюсь, ты помнишь, – она с лёгкой усмешкой пригубила вино и стала разглядывать толпу.

– Значит, смерть Салавара уничтожила наш милый семейный театр? Теперь притворяться больше не нужно и каждый

может быть собой, – Альберт отвернулся и снова нашёл глазами Иррис.

Себастьян всё ещё держал её за талию, то и дело, наклоняясь к уху и что-то шепча – по всей видимости, рассказывал о гостях. Она всем улыбалась и подавала руку для приветственного поцелуя, а рядом ей вторила Таисса, стараясь выступать чуть вперёд, чтобы первыми гости подходили к ней.

– Ты забыла кое о чём, моя коварная сестрица. У Себастьяна есть ещё один козырь – Иррис. Или ты думаешь, что дым над горой – это пастухи от нечего делать жгут свои костры, а мы тут собрались просто вина попить?

– С этой горой не всё так просто.

– Да? И откуда ты это знаешь? – прищурился он, разглядывая красивый профиль сестры.

– В этом доме у меня много ушей, – улыбнулась самодовольно Милена, – а уж Хейда не зря носит титул главной сплетницы. Хоть какая-то от неё польза. Эта глупая курица, став вдовой, нацелилась на моего брата, так что мы теперь лучшие подруги. Пока что. И я знаю то, что знает она, а она знает всё, что знают слуги. А слуги вообще знают всё.

– Так что не так с горой?

– Хочешь узнать? Жду ответ на моё предложение к завтрашнему утру. Или ты можешь сказать мне своё «да» уже сейчас? – хитро спросила Милена.

– Не так быстро, сестрёнка. Мне надо подумать и не просчитаться. Ты же догадываешься, что ты не одна пришла ко

мне с такими предложениями?

– Даже не сомневалась. Назови их цену – я не останусь в долгу. И помни, что их стая гораздо больше нашей, только вот и сожрёт она тоже больше.

– Я подумаю, – ответил он сухо.

Хотя предложение Милены было неожиданным, интересным и рассматривать его стоило всерьёз, но вот только все его мысли сейчас были заняты хрупкой фигуркой в голубом, а вовсе не семейными делами. Он следил за тем, как пальцы Себастьяна поправили локон на плече Иррис, как близко он склонился к её лицу, и внутри у Альберта нарастало глухое раздражение. На самодовольную Милену, мнящую себя коварной интриганкой, на тщеславную Таиссу, на Драгояра у которого на сгибе локтя висела Хейда и ещё какая-то дальняя родственница, имени которой он не помнил. Но на самом деле его сводило с ума то, что за всё это время Иррис ни разу не посмотрела на него, а ведь он стоял почти напротив. Между ними несколько шагов по выложенному гладкой плиткой двору, снующие с подносами слуги и прогуливающие гости, но разве это слишком много для одного взгляда? Всего лишь одного, короткого, хотя бы мимолётного...

– Не затягивай с этим, мне бы не хотелось использовать другие... методы убеждения, – подытожила Милена их разговор.

– Змей, например? – спросил Альберт холодно.

Посмотри на меня. Ну же, Иррис! Посмотри...

– О, поверь, змеи остались в прошлом. С тех пор, как моя Леда укусила тебя, я узнала множество других способов получить желаемое. Жду ответ завтра.

С этими словами Милена, подхватив платье одной рукой, направилась к церемониальной арке, и дальше разыгралось представление с фальшивыми поцелуями и восторгами, и издали показалось, что алая тафта Милены закрыла Иррис, как кровавое облако.

Посмотри на меня... Хотя бы один раз...

Но облако ушло, а Иррис так и осталась стоять вполоборота, улыбаясь Себастьяну, подавая гостям руку для поцелуя и глядя куда угодно, только не на него.

Значит, вот как! Может быть, он слишком напугал её сегодняшним утром? Может, ему снова стоит попросить прощения? Он бы попросил. За что? Да всё равно, лишь бы она не была такой холодной...

Он взял ещё бокал вина.

«С этой горой не всё так просто».

Сегодня он тоже сложил два и два. Вспомнив, как ожила гора на помолвке, и в тот момент, когда в обсерватории он

был так близок к тому, чтобы разнести и библиотеку, и башню, и весь дворец после слов Иррис о том, что для него надежды нет. В нём бушевала такая ярость, такое разочарование, что гора откликнулась – забирая их себе.

Он весь день искал ответы, поговорил с Хранителем, читал книги, и понял только одно – эта сила, проснувшаяся в нём внезапно, определённо связана с Иррис. Она – Поток, и каким-то странным образом он соединился с ней и с этим Потокom. Он может черпать из него силу. Только как такое возможно, он не понимал. Для этого нужен ритуал, нужен Заклинатель, умеющий связывать силу, и желание обеих сторон быть соединёнными. Но ведь между ними ничего такого не было. Что же это тогда?

Но сила росла с каждым днём и становилась разрушительной. И вот сейчас он чувствовал, как она снова пробуждается и ворочается в нём, как дикий зверь в берлоге, и единственное, что могло её усмирить – этот взгляд, которого он так жаждал.

Посмотри на меня...

Он допил второй бокал, сунул его проходящему слуге и, проведя по волосам рукой, направился к церемониальной арке, нацепив на лицо маску скучающего безразличия.

Она решила его не замечать? Что же, он умеет привле-

кать внимание.

– Таисса, – он чуть кивнул сестре, взял её руку и, склонившись, поцеловал медленно и торжественно, – эта арка идёт тебе даже больше, чем это, несомненно, изумительное платье. И если ты никому не отдала первый танец, я с удовольствием бы забрал его себе, надеюсь, ты не против, учитывая, что Себастьян занят?

– Открыть этот бал с тобой? – левая бровь Таиссы чуть поднялась, и это была крайняя степень изумления, которую она могла себе позволить. – Ты сегодня чудо как любезен, Альберт, и не стоит упускать такое редкое явление. Этот танец твой.

– Себастьян, – он церемонно поклонился брату, – я даже завидую тебе немного, быть в окружении таких прекрасных цветов! Поздравляю ещё раз!

– Хорошего вечера, Альберт, и спасибо, – Себастьян ответил вежливым поклоном, но было видно, что он тоже немного удивлён.

Альберт шагнул дальше и остановился напротив Иррис. Она стояла натянутой струной, бабочкой, наколотой на булавку, и лишь на шее пульсировала жилка, показывая, что она жива, но лицо застыло маской, и дышала она неглубоко и часто.

Она снова не смотрела ему в глаза, а куда-то мимо, в одну точку вверх, на галерею и оркестр.

– Леди Иррис, – он склонился для поцелуя, волосы соскользнули с плеча, укрыв этот жест от посторонних глаз.

И её рука снова была ледяной, как тогда на помолвке, и почти безжизненной. Он удержал её, перевернул, проведя большим пальцем по запястью, и поцеловал в середину ладони, прижавшись обжигающе-жарким поцелуем и вложив в него всю силу своего огня. Почувствовал, как она вздрогнула, отзываясь вихрем и желанием, и отдёргивая руку, случайно провела пальцами по его щеке и губам.

Однажды, он сможет целовать эти руки не таясь. И тогда они точно не будут такими холодными!

В её глазах не осталось синевы, они были почти чёрными. Взгляд заметался пойманной птицей, прячась среди цветочных корзин, и щёки у Иррис вспыхнули алым румянцем. А он смотрел, жадно впитывая её смущение и ощущая, как сердце откликается на это волнение и трепет и падает в какую-то бездну.

Ей не всё равно!

– Леди Иррис, – он чуть отступил назад и поклонился, – в здешнем царстве огня ты похожа на бабочку в этом платье из небесной лазури. Или на ирис – волшебный цветок, созвучный твоему имени.

– Спасибо, – тихо прошелестел её голос в ответ.

Посмотри на меня!

Альберт едва удержался от порыва дотронуться до её подбородка – поймать взгляд хоть на мгновенье. Но она смотрела в пол и суетливо расправляла складки на платье.

Он повернулся к Себастьяну и произнес, как ни в чём не бывало:

– Я могу попросить твою невесту пообещать мне сегодня один танец?

Себастьян ответил с улыбкой:

– Спроси об этом у неё, она хозяйка вечера и вольна танцевать с кем захочет.

– Леди Иррис? Я могу рассчитывать на один танец?

– Боюсь, что все мои танцы на сегодня уже расписаны. Может быть, в другой раз, – ответила она, глядя мимо него на очередного гостя, подошедшего с приветствиями к Таиссе.

– Вот как? – он едва совладал с голосом.

Слова вошли в сердце остриём кинжала.

Он ведь так наделся на это...

...на то, что в его руках в этом танце они будут так близко, и лёд растает. Что он коснётся её, поделится своим жаром, и она откликнется, как сегодня утром в библиотеке, её глаза снова засияют, и между ними не будет больше

никого...

– И что же, у меня теперь нет надежды даже на такую малость? – спросил он тихо, видя, что Себастьян и Таисса говорят друг с другом.

– Прости, – ответила она глухо, но твёрдо, продолжая смотреть мимо него.

– Приятного вечера, леди Иррис, – он медленно отступил в сторону, беря на ходу бокал с вином.

Ему показалось, ноги идут, как по воде, опускаются в зыбкую вату, и звуки расплываются, а вокруг всё заволакивает алый туман.

Силы небесные! Ну почему так больно?!

Потому что именно сейчас он окончательно понял, что надежды нет. Иррис принадлежит другому. Его брату. С момента, когда он впервые её увидел и навсегда.

Нет, даже хуже. Она не принадлежит сама себе, связанная узами этой помолвки, обещаниями, данными его отцу и Себастьяну, ритуалом и кучей всяких условностей, до которых ему нет никакого дела, но которые она никогда не нарушит.

Он отступил в тень галереи, остановился, прислонившись спиной к колонне, и выпил бокал до дна, совсем не чувствуя вкуса.

«А чего ты ждал, мой князь? Что она упадёт тебе в объятия?».

Цинта был прав...

Дуарх бы побрал Цинту с его правдой!

За болью пришла ярость, желание сжечь этот зал и дворец, и весь Эддар, и даже воду в бухте. Он смотрел перед собой, пытаясь силой воли унять это безумие, которое накрыло его с головой. Он сжал пальцами мраморные перила так сильно, что камень под его руками раскалился, обжигая листья выющихся роз.

Не сейчас. Позже...

Он должен быть осторожен. Если у него есть связь с Потокком, не стоит им всем об этом знать.

Значит, она решила так...

Если на него не смотреть, то будто ничего и не было... И это ничего не значило... И если с ним не танцевать, и не говорить, то всё зарастёт, как порез на руке?

Не зарастёт.

Нет, Иррис, даже не надейся...

Он снова посмотрел на арку, на их милую пару, и его затопила волна безотчётной ненависти к Себастьяну.

Она так смотрит на него...

И улыбается ему...

Прикасается...

Доверяет...

Слушает...

Может она и любит его?

Эта мысль была невыносимой.

Нет, не может быть, чтобы всё было притворством! Он чувствовал совсем другое...

И если бы не эти чувства, может, ему было бы легче?

Он даже отсюда ощущал её смятение и желание. И оно притягивало его совершенно необъяснимо, как пчелу притягивает цветок.

Проклятье!

Музыка вырвала его из терзаний – бал начался. Он оттолкнулся от колонны, снова провёл рукой по волосам...

Она хочет играть в безразличие – хорошо. Он умеет играть и в эту игру.

– Таисса? – он прошёл мимо Иррис, не глядя, и подал руку сестре. – Жаль, что право открывать бал досталось не тебе. Если кто и должен был представлять дом Драго, так это ты.

– Альберт, ты пьян? – настороженно спросила Таисса, вставая в фигуру. – Что это за фонтан любезностей с двойным дном? Тебе что-то от меня нужно?

– Я тут подумал, что теперь, когда с нами нет Салавара, мы могли бы стать честнее друг с другом. И положила руку на сердце, из всех претендентов на место верховного джарта я выбрал бы тебя.

– Это почему же? – спросила Таисса, и в голосе её было искреннее удивление.

– Потому что из нас всех ты единственная, ну, ещё, пожалуй, тётя Эв, кого на самом деле интересует величие этого Дома. А это заслуживает уважения.

И видя, как расширились её зрачки, Альберт понял, что попал ей в самое сердце.

Смотри, Иррис. Смотри...

Он хорошо танцевал. Он умел вести женщину в танце так, что она не ощущала пола под ногами, так, что весь зал завороживали их движения, заставляя следить за пируэтами. Он кружил Таиссу и говорил ей то, что она хотела слышать. И где-то, в глубине души он даже кое с чем был согласен, но говорил всё это лишь для того, чтобы видеть, как сияет во-

круг Таиссы огонь тщеславия. И все вокруг видят его. Все вокруг чувствуют, как нравится ей то, что он говорит.

И она пусть видит...

Это не так уж сложно – зажигать огонь в других. В нём было столько ярости и боли, что превратить их в огонь было легко, и одаривать им всех вокруг.

Смотри Иррис... Смотри...

Но она танцевала с Себастьяном, она смотрела в лицо ему и улыбалась, и было совершенно очевидно, что он не замечает ничего вокруг, окунувшись в её взгляд. И с каждым поворотом танца расстояние между ними становилось всё меньше.

Проклятье!

Желание спалить дворец становилось всё сильнее, и Альберт держался изо всех сил, понимая, что Гасьярд и Истефан, и тётя Эв, и все остальные увидят, вспыхни его сила чуть больше, чем нужно.

На следующий танец он пригласил Милену. Ей он говорил, что она красива. И что умна. Что он бы согласился уже на её предложение, будь она на месте Драгояра. И что все

прайды умерли бы от зависти, увидев её на месте верховного джарта. Она хоть и не верила большинству его комплиментов, но очень хотела им верить. Они трогали тайные струны её души, и вокруг неё полыхало яростное пламя. Не сияние, как вокруг Таиссы, а настоящий пожар.

Потом он танцевал с Хейдой. И тётей Эв. А дальше стал приглашать всех самых красивых женщин, которые были на этом балу. Он не пропустил ни одного танца, он шептал им то, что они хотели слышать, он зажигал огонь в их глазах и сияние вокруг. Увёл всех поклонниц Драгояра, и к середине бала его, кажется, ненавидело уже большинство мужчин, чьи женщины следили за ним жадными взглядами. Он отдавал этот огонь каждой из них, и надеялся лишь на то, что Иррис тоже это видит.

Этот огонь мог быть твоим, Иррис... Весь этот огонь...

И он не мог заставить себя не смотреть на неё, бросая мимолётные взгляды через плечо своих партнёрш. Она танцевала с Гасьярдом и что-то отвечала ему, но лицо её было бледным и грустным. Напряжённые плечи, вымученная улыбка... Потом с Истефаном, с Драгояром, с Тибором...

Но она упорно прятала взгляд от него. К середине бала он уже не в силах был выносить эту пытку. И подхватив под руки двух дам, отправился к краю площадки, к напиткам и фруктам и долго стоял там, обнимая одну из женщин за та-

лию и шепча другой на ухо милые комплименты.

Только легче не становилось. Он хотел, чтобы Иррис ревновала, чтобы представляла себя на месте этих женщин. И он почти ненавидел себя за это. Потому что всё, что ему было нужно – остаться с ней наедине и поговорить. Ему нужен был только один её взгляд, чтобы он понял, что ей не всё равно.

Он оставил женщин и ушёл в тень под галерею, прислонился к колонне и снова взялся за вино. Вино сегодня – это лучший друг. Он не помнил, какой бокал это был по счёту, но сегодня вино словно назло ему превратилось в воду и совершенно не пьянило. А он хотел бы выпить до бесчувствия, чтобы завтра проснуться в какой-нибудь канаве, в борделе или кабаке подальше отсюда. Чтобы скулы болели от чьих-нибудь кулаков, а не сердце от холодных слов Иррис и её безразличия. И, пожалуй, всё, что ему нужно сейчас – найти в себе силы, чтобы уйти отсюда.

Но голубое платье, которое он мгновенно находил в толпе, манило его, не давая оторвать глаз, заставляя следить за ним напряжённо, как кошка за мышшиной норой. Никогда ещё он не встречал женщины настолько притягательной, настолько желанной, рядом с которой всё переставало иметь значение. Женщины, один взгляд которой был для него спасением. Женщины, чьей улыбки он желал, больше всего на свете.

Всё в ней имело для него только две грани – счастье и боль. И его, как корабль в штормовом море, швыряло из од-

ной крайности в другую, но с каждым мгновением притягивало всё сильнее. И только вопрос времени, когда же он налетит на смертельные рифы.

– ...но, если Гас не согласится? – услышал он тихий голос Таиссы.

Она и тётя Эверинн подошли к колонне с другой стороны и остановились за двумя вазонами с пальмами. Альберта они не видели и говорили совершенно свободно.

– Я уже поговорила с ним, – ответила Эверинн, – он сказал, что никак не поймёт, что не так с его ритуалом.

– Но разве это мешает устроить свадьбу на следующей неделе? Ты понимаешь, эта змея, это нападение в дороге – Себастьян рассказал мне. А если её убьют до свадьбы? Нам нужен этот Поток! И прямо сейчас.

– Гасьярд сказал, что надо сначала разобраться, почему нет отклика. Может он и прав?

– Тётя! Я уже говорила с Иррис, нам нужно скорее закрепить этот союз, разбираться будем потом. Но эта дурочка слишком строгих правил и вряд ли ляжет в постель с Себастьяном до свадьбы! Не силком же её тащить. Хотя не знаю, я пыталась её сегодня убедить, сделать это пораньше, но если она упрётся, то выход только один – нам нужна эта свадьба на следующей неделе! И чем скорее, тем лучше, а с ритуалом Гасьярд может разобраться и позже. Милена не на шутку озаботилась поиском союзников, ты знаешь, что вчера в город приезжала их мать – Алиссандра? Тайно! Нам ну-

жен этот Поток, Эви! – воскликнула Таисса горячо.

– Мы встретимся завтра утром, я, Себастьян и Гасьярд, попробуем всё уладить, – ответила Эверинн, дотронувшись до руки Таиссы.

Пальцы Альберта впились в холодный гранит колонны.

Свадьба на следующей неделе? Лечь в постель с Себастьяном?

Это стало последней каплей. Перед Альбертом как будто бездна разверзлась.

Прочь отсюда и как можно скорее, пока он никого не убил. Пока не взорвал эту треклятую гору!

Он оттолкнулся от колонны и направился в темноту, но, как назло, сразу за углом налетел на Драгояра.

– Куда спешишь, бастард? Ещё не всех баб облапал за вечер? – спросил Драгояр, отбрасывая с плеча белокурые локонны.

– А ты лучше смотри за своими женщинами, – буркнул Альберт, собираясь пройти мимо.

Но Драгояр ухватил его за локоть.

– А ты торопишься к очередным шлюхам?

Альберт развернулся и отбросил руку Драгояра.

– Тебя и в самом деле интересует, куда я иду? – усмехнул-

ся он и, понизив голос сказал: – Или ты злишься, что женщины не оценили твой шикарный наряд? Или просто хочешь, чтобы я дал тебе в морду? Потому что я не слишком расположен беседовать этим вечером с идиотами.

И тут же кулак Драгояра врезался в его скулу.

Было больно. Но и в то же время... приятно. Это было почти спасение, почти то, что нужно.

Он схватил Драгояра за лацканы фрака и со всей силой бушующей в нём злости, швырнул в глиняный вазон с какими-то розовыми цветами, пытаюсь добраться до его горла. Вазон перевернулся с грохотом, и Драгояр полетел на выпавшую землю. Альберт прыгнул сверху, и они сцепились, как два диких зверя. Покатались, ударившись в мраморные балясины ограждения. Свалили ещё один вазон, сбили слугу с графинами вина, и те разлетелись по полу осколками. С треском оторвался рукав чьего-то фрака и снова кулак врезался в скулу Альберта.

– Я убью тебя, сучий сын! – орал Драгояр.

Они вскочили и снова бросились друг на друга, сшибая слуг и даже кого-то из гостей, светильник и жаровню. Угли высыпались на мраморный пол галереи, и сразу пахло дымом.

Альберт бил Драгояра кулаками по лицу со всей силой своей ярости и получал в ответ такие же удары. Они катались по полу, сбивая столики с фруктами, приготовленные слугами, бутылки вина и корзины цветов, а потом вскочили

и, сцепившись в едином порыве, перевалились через перила. Упав на мягкую зелень газона, снова впились друг другу в горло, срывая галстуки и раздирая одежду в клочья.

Ярость в них была такой сильной, что они не чувствовали боли, катаясь по мягкой траве и избивая друг друга до полусмерти.

И очнулся Альберт лишь тогда, когда ему кто-то заломил руки за спину и их стали растаскивать четыре пары сильных рук с каждой стороны. Тибор и Грегор тащили в одну сторону Альберта, а Истефан и главный из охраны Гасьярда потащили Драгояра в другую.

– Альберт! Да вы спятили, что ли! – орал ему в ухо Тибор.

– Я всё равно убью тебя, бастард! – орал Драгояр в ответ, упираясь пятками в мягкую траву.

Альберт вытер с лица кровь тыльной стороной ладони. Губы были разбиты, и, кажется, сломан нос – кровь залила рубашку, благо хоть та была чёрной. Скулы саднило, но вместе с этим наступило хоть какое-то облегчение. Он стряхнул с себя руки дяди, перемахнул через перила и увидел перед собой тётю Эверинн.

– Альберт! – воскликнула она в гневе. – Ты... Да ты просто свинья! Скотина! Ты не можешь не устроить драку! А я же просила! Просила же тебя! Не на балу! Разбирайтесь после! Что, так трудно было?!

Альберт сплюнул на траву и снова вытерев ладонью кровь, текущую из носа, ответил:

– Прости, тётя Эв! Не мог удержаться!

Он направился мимо неё широкими шагами, но его перехватила Милена, удержав за локоть.

– Ты что, подрался с Драгоярм? Зачем? – воскликнула она, вторя тёте Эв.

– О! Сестрёнка! Ну ты же сказала, что это ничему не помешает. А вот теперь я, пожалуй, согласен стать твоим союзником. Так что жду с утра предложений.

Он не стал слушать, что она ответит, выдернул руку и направился прочь.

Скорей отсюда!

Огонь в нём немного утих, но, если он снова увидит Иррис и Себастьяна – это плохо закончится. Музыка играла, и в центре кружились пары – их драка в стороне от веселья не привлекла внимания. Выйдя из тени галереи, он широкими шагами пересёк узкую полосу света возле столиков и почти налетел на Иррис. И в этот момент он впервые за этот вечер по-настоящему встретился с ней взглядом, с тем самым, которого так жаждал. Только взгляд этот был очень испуганным.

Наверное, он выглядел не лучшим образом – весь в крови, рукав оторван, рубашка в клочья и глаз начал заплывать, но не это её пугало. Он был готов поклясться, что увидел на её лице проблески вины.

– О, Боги! – она прижала ладонь к губам. – Что случилось?

– Что случилось? – он снова вытер кровь тыльной стороной ладони. – Ты отказала мне в танце, так что пришлось утешиться дракой.

Он чуть поклонился, приложив окровавленную руку к оторванному карману фрака, и произнёс с насмешкой:

– Приятного вечера, леди Иррис, – и ушёл так быстро, как только смог.

Он не помнил, чью лошадь схватил на коновязи, он стегал её нещадно и скакал куда-то в темноту, наверное, в порт, туда, где кабаки открыты всю ночь, и где тебе всегда рады, где тебя любят, если твой кошелёк полон денег, и любовь не нужно вымаливать на коленях.

Он был пьян и не разбирал дороги, и, кажется, заплутал, ведь он десять лет не был в Эддаре, но остановился лишь когда перед ним возник тёмный силуэт Цитадели.

Башня желаний.

«...а если надежды нет?».

«Тогда надеяться нужно на чудо».

Он осадил лошадь так резко, что она взвилась на дыбы и сбросила его на землю, прямо на стриженую изгородь аллеи, ведущей вверх по холму.

Книга желаний!

Он выбрался, не чувствуя боли от удара, провёл ладонью по лицу, пытаясь стряхнуть наконец накативший хмель, и направился внутрь.

Снова пахло сандалом, чабрецом и полынью. Было тихо, и лишь тёплый воздух поднимался по колодцам вверх. Светильники горели по углам, и свеча в слюдяном колпаке – источник живого огня, освещала постамент и лавку перед ним, обитую красным бархатом.

Он устало опустил коленом на вытертую подушку. Его руки были все в засохшей крови, но он прижался ими к постаменту и стоял так некоторое время, склонив голову, пытаясь отрешиться от посторонних мыслей, разгоняя хмель, туманящий сознание. Потом сплёл пальцы.

«...Ты не должен соблазнять меня и выворачивать мне душу наизнанку! Я помолвлена, ты понимаешь это? Я невеста! Я скоро стану женой твоего брата! Какая может быть надежда?!»

В голове всё ещё звучали её слова, сказанные сегодня утром в обсерватории. И мысль о грядущей свадьбе, о руках Себастьяна, растёгивающих платье Иррис, сводила его с ума.

Если её останавливает только помолвка, только то, что

она невеста Себастьяна, то он знает, что нужно делать!

«Великая книга, ты уже однажды исполнила моё желание...»

Ты сделала меня самым счастливым и самым несчастным одновременно.

Я не хочу ничего – ни места верховного джарта, ни денег, ни почестей, ни славы, просто сделай так, чтобы помолвка между Себастьяном и Иррис была расторгнута. Чтобы она перестала быть его невестой».

Он шептал беззвучно, одними губами, и капля крови с его лица упала на коричневую с золотым тиснением кожу.

Книга исполняет только те желания, которые ты можешь представить реально, в мельчайших деталях...

Он зажмурился, сжав веки до боли в разбитом глазу, сцепив пальцы так, что они побелели, и представил бумагу с соглашением о помолвке, которую разрывают на части.

И слова:

«Вы больше не жених и невеста».

Глава 18. Неожиданные союзы

Иррис даже предположить не могла, что этот бал станет такой пыткой. Гости подходили, приветствовали, говорили слова поздравлений и сыпали комплиментами, рядом щебетала Таисса, раздавая уверения в бесконечной любви и признательности всем, и рука Себастьяна поддерживала Иррис за талию.

Так и должно быть. Такой и должна быть её жизнь в качестве жены верховного джарта: быть ему поддержкой, помогать по мере сил в официальных делах, дружить с его сестрой.

Если бы не ощущение, что они все следят за ней. Если бы не то, что все их отношения основаны на ненависти. Если бы не то, что она чувствует себя бабочкой, наколотой на булавку в центре этого пылающего костра.

Она уже получила пару шпилек от Милены и Хейды по поводу цвета платья, и это было только начало вечера.

– Это послы из Зафарина и глава гильдии ювелиров. Он очень падок на лесть и женские комплименты, – шепнул ей Себастьян с улыбкой, – зато через его руки проходят самые лучшие камни. Будь с ним милой.

Иррис улыбнулась, разглядывая расшитые золотом шёлковые одеяния послов и зелёный тюрбан главного ювелира, и принимая его пышные комплименты, одарила в ответ та-

кими же. И не было ничего сложного в том, чтобы играть эту роль, можно даже выдержать всю эту ужасную родню Себастьяна, если бы...

...если бы не этот пронизывающий взгляд, который она чувствовала, где бы ни находилась.

Он притягивал, так сильно, что ей казалось, она почти слышит в голове его голос: «Посмотри на меня...».

И сопротивляться этому было трудно. Очень трудно. Может, это была магия, ведь от Альберта можно ожидать, чего угодно, но хуже всего было то, что ей и правда хотелось посмотреть на него. После утреннего происшествия в библиотеке её пугала мысль о том, что он может сделать.

«Тебе нравятся трагедии? Ну так скоро ты сможешь наблюдать их вживую!».

Из уст такого человека это звучало не как пустая угроза. Но Иррис твёрдо решила расставить все точки и разорвать эту странную связь, возникшую между ними на озере. Пусть даже он всё расскажет Себастьяну. Пусть. Она готова к этому. Она переживёт этот стыд, но потом станет легче.

Краем глаза она видела, как Альберт идёт к ним, слышала, как говорит комплименты Таиссе, и, собрав всю силу воли, замерла, стараясь придать своему лицу выражение вежливо-го безразличия. Только дышать от этого было почти невозможно, и руки стали ледяными, а земля ушла из-под ног. Ко-

гда он остановился напротив, она, пытаясь успокоить сердце, стала мысленно считать в уме, глядя куда-то в вверх на украшенные гирляндами ветви деревьев.

Хоть бы поскорее всё это закончилось!

Он склонился для поцелуя и...

Боги милосердные! Что он делает!

Горячая волна рванулась вверх по руке от ладони, от того места, где он прижался поцелуем, слишком страстным и слишком жарким для простого приветствия, сметающим, как пушинку, все бастионы её воли. Волна достигла сердца, мгновенно рождая вихрь, круша всё на своём пути, захватывая в водоворот его жар, заставив вздрогнуть всем телом и заплывать, словно факел.

И, поспешно отдёргивая руку, Иррис коснулась пальцами его щеки и губ, понимая, что снова падает в пропасть. Почти так же, как тогда на озере, когда он поцеловал её впервые – какое-то мгновение она падала в такую же пропасть, теряя себя и отвечая на его поцелуй.

Кровь бросилась в лицо и единственное, что она всё-таки смогла сделать, это удержаться от того, чтобы посмотреть ему в глаза. А вихрь вращался и рос, захватывая всё вокруг сильнее и сильнее...

«Ты похожа на бабочку в этом царстве пламени...».

Зачем ты это говоришь? Дуарх бы тебя побрал, Альберт! Зачем ты читаешь мои мысли! Зачем ты смотришь мне в прямо душу и чувствуешь то же самое! Будто видишь то, что я ощущаю! Зачем? Зачем?! Зачем!

Именно так, она – бабочка, наколотая на булавку.

Он хотел потанцевать с ней. И ведь она ему обещала этот танец за своё спасение. И она сама хотела этого...

Нет! Нет! Нет!

Каждое мгновение с ним рядом только приближает всё к катастрофе. И как бы ей не был противен обман – ей придётся его обмануть.

– Прости, – ответила она не своим голосом, отвергая его предложение.

И после этого вечер покатился в какую-то бездну.

Ей было стыдно за свой обман, и страшно, и невыносимо смотреть на то, что весь вечер делал Альберт, будто специально показывая ей:

Смотри, Иррис...

И вихрь не хотел успокаиваться, вращаясь сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, и захватывая в себя всех вокруг, но сегодня в нём было слишком много огня, взя-

того у Альберта, и ей казалось, что каждый это видит.

– Ты вся горишь, и это сводит с ума, – прошептал Себастьян, касаясь губами её уха, когда они танцевали первый танец. – И, если бы можно было уйти, я бы бросил этот бал прямо сейчас.

Она ведь хотела его соблазнить, заставить потерять голову...

И ей даже не пришлось ничего делать для этого, в ней сегодня и так было слишком много огня. Только огонь этот зажёг совсем не Себастьян. Он лишь смотрел замороженно в её глаза, и ощущал Поток, а тот притягивал его сильнее, чем её слова. И этот Поток, кажется, ощущали все вокруг, потому что после того, как первый танец закончился, рядом с ней уже стоял Гасьярд.

Иррис заметила, как жадно следил он за ней весь вечер, как не сводил глаз, стоя в тени галереи с нетронутым бокалом вина. И его немигающий взгляд пугал даже больше, чем возможные выходки Альберта. Гасьярд поклонился церемонно и торжественно взял её за руку, выводя в центр патио. Только рука его легла на талию и притянула слишком близко. А другая сжимала пальцы и накрывала ладонь так, словно хотела вобрать её всю в себя, и под его кожей Иррис ощутила сумасшедший пульс. Серые глаза Гасьярда были совсем рядом, он старался поймать её взгляд, и жар, которым он её окутывал, жёг, казалось самую душу.

Боги милосердные! Как ей остановить этот Поток? Как погасить эту притягательную силу, превратившую её в мишень для всех на этом балу?

– Ты очень красивая сегодня, Иррис, – прошептал Гасьярд, и его дыхание касалось щеки, – тебе очень идёт этот голубой цвет. И ты так похожа в нём на Регину.

– На мою маму? – спросила она, отводя взгляд.

– Да, это был её любимый цвет. И у тебя её глаза – такие же сумасшедше-синие.

Что-то в его голосе, и взгляде, и в этом прикосновении было пугающим. Иррис не стала отвечать, отвернулась и увидела, как Альберт говорит Милене на ухо слова, от которых та вся млеет, и вокруг неё бушует огонь. Как кружит её, удерживая легко одной рукой, и она смеётся, и смотреть на это отчего-то было очень неприятно.

Потом она танцевала с Драгояром и слушала его комплименты. И он тоже пытался прижимать её к себе и ловить её взгляд, и от его духов, которыми он был щедро облит, у Иррис начала кружиться голова. И он тоже жёг её своим огнём, как будто пытался пробиться к её сердцу.

А вихрь всё ширился, захватывая тёмные галереи, магнолии у выхода и лестницы. И она понимала, что все вокруг видят этот вихрь, и что каждый хочет к нему прикоснуться, получить его частичку, и он манит их, как цветок манит пчёл, и в этот момент она почувствовала себя настолько беззащит-

ной, что хотелось заплакать.

Танец за танцем она проходила эту пытку снова и снова, наблюдая за тем, как вспыхивает пламя вокруг женщин, с которыми танцует Альберт, и как они невольно тянутся к нему, замороженные магией его слов и живым огнём, которым он с ними делился. И она подумала, что вот и она сейчас также невольно одаривает мужчин, с которыми танцует, только этот огненный вихрь вокруг неё рождён не ими и принадлежит не им.

И снова она танцевала с Гасьярдом, и с Тибором, дышавшим на неё вином, с Грегором, шепчущим двусмысленные комплименты, и с Драгояром, который бесцеремонно отодвигал других кандидатов и сгребал её в охапку своими большими руками. С бесчисленным количеством родственников Драго, главами кланов, послами, старшими гильдий и купцами, и даже с ювелиром в зелёном тюрбане.

Но в их глазах она видела только одно – желание обладать. И в их руках, в пальцах, в пульсирующей под кожей крови слышалась эта жажда. В их словах, которые они шептали. В перекрестье взглядов, среди которых она была просто мишенью.

«...и когда они до тебя доберутся – от тебя даже перьев не останется».

В голове снова и снова звучали слова Таиссы, сказанные в их первую встречу, и она понимала, что сейчас чувствует это буквально. Будто каждый из них хочет оторвать от неё кусок.

– Я очень устала, – прошептала она Себастьяну, выравшись, наконец, из бесконечной череды приглашений.

Иррис едва держалась на ногах.

И только после того, как она встретила Альберта с разбитым лицом, после его слов и поспешного ухода, вихрь, наконец, начал затухать, превращаясь в воронку, которая утащила за собой весь огонь и сияние этого вечера, всю её волю, решимость и силы, оставляя за собой только пепелище опустошённости и тоски.

Она его обманула. Обидела. Она сделала ему больно.

Но так было нужно.

Так почему теперь так больно ей? Почему она чувствует себя такой виноватой?

Себастьян перепоручил остаток вечера сестре и пошёл проводить Иррис. Сегодня в нём что-то изменилось. Он чаще на неё смотрел, танцевал только с ней и старался быть ближе. Он шептал ей на ухо даже тогда, когда можно было сказать это громко, и каждый раз его рука ложилась ей на талию или на плечо. И в танце он то и дело притягивал её к себе, стараясь коснуться пальцами обнажённой кожи на плече и перебирая её пальцы.

Ты ведь этого хотела, Иррис? Увлечь его...

Они медленно шли по галерее, но до её комнат так и не дошли.

На половине пути Себастьян потянул Иррис в темноту глубокой ниши в стене, развернул резко, обнял и поцеловал горячо и страстно, запрокинув её голову и прижав к плечу так, что она едва не задохнулась. До этого момента все его поцелуи были полны трепетной нежности, и он не торопился, ждал её ответа, но не сейчас. Сейчас он был совсем другим, как будто в нём всё ещё бушевала частичка того вихря. Его руки дрожали и поцелуи были порывистыми и жадными, и почти ничего не требовали взамен. Он целовал её губы, сминая своим напором, щёки, и шею, спускаясь ниже, к плечу, сдвигая тонкую полоску голубой ткани на нём, и снова поднимаясь вверх, будто хотел покрыть поцелуями каждую клеточку её тела. И коснувшись губами мочки уха, прошептал, шумно дыша и зарываясь пальцами в пышные локоны причёски:

– Ты сводишь меня с ума, Иррис! И я не в силах тебя отпустить...

Подхватил на руки и понёс в свою спальню, и всё что она успела сделать – обхватить его за шею, чтобы удержаться. Он распахнул дверь ногой, быстрыми шагами пересёк комнату и опустил Иррис на кровать. Склонился, касаясь губами её лица, и ощутил солёную влагу слёз на щеках.

– Ты плачешь? Иррис? Что случилось? – спросил он с тревогой и присел рядом, приподнимая её за плечи.

– Это невыносимо! Они все, как стервятники! Они готовы были разорвать меня на куски! – произнесла она тихо, и не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

Она весь вечер была натянутой струной и сейчас эта струна оборвалась. Иррис была напугана и отчаянно несчастна. Единственное, чего ей сейчас хотелось, оказаться в доме отца, в тишине и покое, подальше от этого проклятого места и всей семьи Драго с их дикой жадой и огненной кровью. От Гасьярда с его змеиным взглядом, от стервозных сестёр Себастьяна, пьяного Тибора, дышащего вином, Драгояра с его духами, верящего в свою неотразимость – от всех, кто прижимал её к себе на балу, пытаясь «отпить из её колодца». От того, что ей нужно закрепить союз, соблазнив Себастьяна, и этого неистового вихря, сминающего под собой волю всех вокруг.

И от Альберта. От его сводящих с ума поцелуев и мыслей о том, о чём думать ей было нельзя.

Она плакала беззвучно, сотрясаясь всем телом, а Себастьян прижимал её к себе и успокаивал, глядя по спине:

– Тихо, тихо, не плачь, Иррис, девочка моя. Они все видели сегодня твоё сияние, впервые по-настоящему, и оно светло их с ума. Не плачь. Они ничего тебе не сделают. Ложись. Поспи.

Он налил ей воды из графина, а затем уложил на кровать, укрыл одеялом и, поцеловав в щёку, погасил светильник.

– Почему ты так упорствуешь, Гас? – спросила Эверинн, передвигая бронзовые фигурки животных на полке.

Утро было в самом разгаре, но задёрнутые шторы в кабинете Гасьярда пропускали лишь серую дымку. Себастьян стоял с хмурым видом у двери, а Таисса расположилась на подлокотнике кресла, сложив на коленях холёные руки в перстнях.

– Потому что я сначала должен понять, что не так с ритуалом, прежде чем его завершить, – твёрдо ответил Гасьярд, – после свадьбы обратного пути не будет. Ритуал обратим, только пока он не завершён. И если что-то окажется не так, Поток может уйти и будет всё равно, как если бы Себастьян женился на кахоле!

– Что-то я впервые о таком слышу, – с сомнением в голосе произнесла Таисса. – Насколько помню, отец ничего такого не говорил. И даже если так, если Поток иссякнет, он хотя бы не достанется Милене с Драгоярм! А Драгояр, как я видела вчера, был очень настойчив.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Себастьян.

– А то, что, мой дорогой брат, ты, наверное, совсем слеп! Ты что, не видел вчера сколько раз Драгояр танцевал с твоей невестой? И прижимался к ней! И как ты думаешь, зачем? – спросила раздражённо Таисса.

– Альберт увёл всех его женщин, и мне кажется, Драгояр просто повторял за ним этот же номер, как обычно, – усмеялась Эверинн.

– А я думаю, что тут всё не просто так, – Таисса встала, – вы как будто ничего не хотите видеть! Вчера в город приезжала их мать – Аллисандра. Милена обольщала Альберта, а Драгояр твою невесту, а ты Себастьян, ни сном, ни духом об этом!

– Драгояр и Альберт чуть не убили друг друга, так с чего ты решила, что они хотят объединиться? – спросил Себастьян.

– А с того, что плевать на Драгояра, он сделает то, что скажет сестра! – Таисса принялась ходить по комнате и, снова обратившись к брату, добавила. – И судя по тому, что эту ночь Иррис провела в твоей постели, но гора молчит, то без свадьбы мы никак не обойдёмся!

– Ночь провела. Но ничего не было, – пожал плечами Себастьян.

– И как это понимать? – удивлённо спросила Таисса.

– А как это можно ещё понимать? – зло ответил Себастьян. – Вы все вчера набросились на Иррис, как стая гончих на зайца! Да вы до смерти её напугали! И она весь вечер проплакала у меня в спальне.

– И? – не унималась Таисса. – Ты же её утешил, надеюсь?

– Катись ты к Дуарху со своей настойчивостью! – рявкнул Себастьян. – Ты что хочешь, чтобы я взял её силой? Изму-

ченную, уставшую и несчастную? Ты в своём уме? Перестань уже лезть не в своё дело!

– Это и моё дело! – воскликнула Таисса, и лицо её исказила гримаса гнева. – Будь я на твоём месте, она бы не была несчастной! Я бы уже давно сделала всё, как нужно!

– Иногда я жалею, что ты не на моём месте, – ответил Себастьян, глядя на сестру в упор, – потому что нет ничего невозможного для того, кто не обязан делать это сам.

– Хорошо, – прервал Гасьярд их перепалку и, соединив ладони вместе, добавил спокойно, – до совета ещё есть время. Не будем торопиться. Все должны успокоиться и не делать поспешных выводов. За эти несколько дней я ещё раз всё проверю, а потом мы проведём церемонию.

Себастьян и Таисса ушли, а Эверинн задержалась, прикрыв дверь, вернулась к столу и спросила напрямую:

– В чём дело, Гас? Ты что-то скрываешь, я же вижу.

Гасьярд потёр переносицу, посмотрел на дверь и произнёс негромко:

– Я не стал говорить этого при племянниках, но у меня есть опасения...

– Какие?

– Ты видела, что вчера творилось на балу? Ты видела всю эту силу?

– Да, Гас, я видела. И хотела спросить, что это вообще такое было? Почему ты не вмешался и не остановил это?

– Я пытался понять... Наблюдал, – Гасьярд снова потёр

переносицу, будто поправлял невидимые очки, – эта сила – она совершенно неуправляемая. И вчера я никак не мог понять, откуда она взялась, и почему нет связи между Себастьяном и Иррис, но сегодня меня вдруг осенило...

– Осенило? – усмехнулась Эверинн. – И что же тебя осенило?

– Что есть причина, по которой не возникает связь между Иррис и Себастьяном.

– И какая это причина? Не тяни уже, скажи, как есть!

– Я думаю, связи нет из-за проклятья.

– Что? Гас! – фыркнула Эверинн. – Ты хочешь сказать, что всерьёз веришь словам какой-то сумасшедшей ашуманки?

– Она была не просто ашуманкой, а жрицей Храма Бога Ашша. И она не была сумасшедшей, как говорил Салавар. К её словам стоило бы прислушиваться, Эв, потому что её проклятье касалось Салавара и его детей, – он впился в сестру немигающим взглядом и опустил ладони на стол.

– Но погоди! – удивилась Эверинн. – Я понимаю, почему в эту чушь верил Салавар. Он всегда винил в своих бедах немилость Богов, плохую погоду, козни врагов или глупых женщин, а не свою большую голову, но ты? Ты же всерьёз не веришь в то, что мы разругались с прайдом Лучница из-за проклятья, а не из-за того, что Салавар назвал Айрена старым пнём и накануне помолвки переспал едва ли не со всеми шлюхами на Побережье? Он же убил Клариссу, он издевался над Аллисандрой, он был просто безумен, и его все ненави-

дели! Ни один прайд не хотел отдавать своих дочерей ни ему, ни его сыновьям именно поэтому. Причём здесь проклятье? Если оно вообще существует!

Эверинн говорила горячо. Она считала именно Салавара виновным во всех бедах их семьи, а историю с проклятьем лишь его странной попыткой оправдать свои глупые поступки. Но сейчас, слушая Гасьярда, она вдруг поняла, что, в отличие от брата, знает далеко не всю историю о той злополучной поездке Салавара в Ашуман.

Гасьярд сел в кресло, откинулся на спинку, глядя задумчиво на картину в золочёной раме, на которой был изображён бой быков, и произнёс, переплетя пальцы:

– А при том, Эви, что оно действительно существует. Я же был в Ашумане вместе с Салаваром. С того момента всё и пошло наперекосяк. И мне кажется, что он начал сходить с ума сразу после того, как его бросила Регина Айфур. Она ведь так и сказала, Эв, та ашуманская ведьма: «Твоя невеста бросит тебя в день помолвки, и твоих детей тоже будут бросать их наречённые, как ты бросил меня».

– Ты никогда не говорил об этом, – удивлённо произнесла Эверинн.

– Потому что Салавар приказал мне держать язык за зубами. Но теперь, как видишь, нужды в этом нет.

– Но это же... если это правда, то надо найти какой-нибудь способ...

– А чем, по-твоему, я занимался все эти годы? Искал спо-

соб избавить Салавара от этого безумия. И когда мы встретили Иррис в Мадвере, у меня знаешь, руки дрожали, когда я проводил ритуал. Не верил, что всё получится. Думал, она не согласится, потом, что она не приедет, потом, что не получится здесь повторить, но всё получилось, и я уже решил, что смерть Салавара избавила нас от этого проклятья. Но видимо, всё-таки нет. И я вчера весь вечер наблюдал воркованье Иррис и Себастьяна, но связи я не увидел, и боюсь, свадьба уже ничего не решит.

– Но почему ты так уверен, что связи нет? Они же не безразличны друг другу. То, что я вижу между ними, совсем не похоже на то, о чём говоришь ты, – ответила Эверинн внимательно глядя брату в лицо.

– А что ты видишь, Эв? – Гасьярд резко встал и упёрся кулаками в столешницу. На его лице появилось выражение досады и раздражения. – Что они держатся за ручки? Танцуют и целуются в щёчку? Мы вот также с тобой можем подержаться за руки! С тем же результатом! А ты хоть знаешь, что на самом деле должно быть?

– Ну так просвети меня! – глаза Эверинн сверкали. – Я же не Заклинатель, я не вижу связей настолько глубоко!

Гасьярд усмехнулся.

– Мы встретили Иррис в Мадвере в тот самый день, когда в ней проснулся Поток. Уж не знаю из-за чего это произошло, но нас туда просто затянуло, как в воронку. Видела бы ты этот шторм! И я не стал торопиться, я был очень

осторожен, чтобы удержать этот Поток. Помня о проклятии, я соединил Иррис там, на помолвке, не с Себастьяном, а с нашим Домом, потому что не был уверен, что всё получится. Потом, позже, уже здесь, я рассчитывал всё проверить и сделать правильно, завершить ритуал, передав Иррис от дома Драго – Себастьяну, – он усмехнулся, – и я его провёл, ты сама всё видела, гора откликнулась, но...

– Да! Гора откликнулась, вчера они выглядели влюблёнными, и ты сам видел, сколько силы было вокруг них, так что ещё нужно? Разве это не связь?

Гасьярд оттолкнулся от стола, прислонился к шкафу с фоллиантами и, скрестив руки на груди, продолжил:

– Я понимаю, что ты не видишь связи так, как вижу их я, но... Но мне кажется даже ты бы увидела её, – Гасьярд казалось был в замешательстве, – и хотя я не знаю всего до конца... Иррис ведь Поток, и у меня не было опыта с Поток, но ритуал должен был открыть их друг другу, соединить души, и если бы они совпадали, то дальше притянулись бы сами, они бы почувствовали друг друга мгновенно, узнали. Даже капля огня, соприкоснувшись с Поток, разожгла бы между ними пожар. И будь у них хоть какие-нибудь чувства, они бы вспыхнули с такой силой и скоростью, что поверь, Таиссе не пришлось бы уговаривать их лечь в постель до свадьбы! – он развёл руками. – Они бы уже не могли оторваться друг от друга, и им бы было плевать на весь мир, на условности, свадьбу и всё вокруг. Потому что этому притяжению

невозможно сопротивляться, оно сильнее воли, сильнее разума, оно возникает сразу и усиливается с каждым мгновением. Они бы делали друг друга счастливыми, заполняя этим счастьем свои души, и вместе создавали бы новую силу. А вчера я смотрел на Иррис и Себастьяна – они говорили и держались за руки, как друзья, как соседи, пытались узнавать друг друга, разговаривая, но они вели себя, – Гасьярд снова потёр переносицу, – ты не поймёшь... как просто влюблённые люди. Как кахале. Свяжи их ритуал и Поток – им даже не нужно было бы говорить, они бы понимали друг друга без слов, они бы знали желания друг друга, ощущали радость и боль вместе, каждый из них говорил бы то, что думает другой и, посмотрев на них один раз, ты бы сразу всё поняла. Вот что такое эта связь. Её нельзя не увидеть. Во всяком случае, так написано в книгах о Потоке. А та сила, что ты видела вчера, она бушевала вокруг Иррис словно сама по себе. Я не знаю, откуда она, но уж точно не из-за Себастьяна. И я уже склоняюсь к мысли, что родилась она в результате злости и ненависти – Иррис было настолько неприятно внимание нашей родни. Вот совсем как на первом обеде.

– Но как же Грозовая гора? Она ведь проснулась в результате ритуала и просыпается дальше. И то, что творилось на балу? Неужели такое может родить простая злость? – Эверинн принялась ходить по комнате. – Раз ты ничего не знаешь о Потоке, откуда знаешь, что происходящее неправильно?

– Гора? Она откликается на что-то другое, и это что-то связано с Иррис, но не с Себастьяном, и я пока не нашёл этой связи. Но ты видела эту силу вокруг Иррис, говорю же, я не знаю, откуда она взялась. Что-то или кто-то заставляет её отвечать – ведь сам по себе Поток всегда в покое. И, надеюсь, ты понимаешь, что её нельзя оставлять вот такой – неуправляемой. А Себастьян не может ею управлять.

Эверинн подошла к окну и распахнула шторы, яркое утро ворвалось в комнату, ослепив и заставив зажмуриться обоих. Она посмотрела на гору, столб дыма поднимался ровно такой же, как и вчера. Потом обернулась к брату и спросила серьёзно:

– И что, по-твоему, мы должны сделать? Ты ведь что-то придумал уже, я же вижу.

– Есть другой путь, Эв. Но тут мне понадобится твоя поддержка.

– Рассказывай.

– Проклятье касается только Салавара и его детей, но не касается меня, тебя, Тибора и Грегора...

Эверинн усмехнулась и продолжила за него:

– ...и, разумеется, из нас всех, ты – единственная достойная кандидатура на место верховного джарта?

– ...и я могу жениться на Иррис, завершить ритуал и соединить Поток с собой и нашим Источником на благо прайда. Никакого проклятья, никакой борьбы. Я – брат Салавара, Заклинатель огня и прайды меня уважают. А наши де-

ти дадут новую ветвь дому Драго, избавив его от проклятья Салавара, – закончил за неё Гасьярд, глядя Эверинн прямо в глаза. – Но ты должна меня поддержать, Эв. И если меня поддержишь ты, Истефан, Грегор, Тибор и остальные.

– А захочет ли Иррис выходить за тебя замуж? – прервала его Эверинн.

– А у неё нет особого выбора, Эв, – Гасьярд подошёл к сестре, – я же составлял договор о помолвке.

– И? – прищурилась она.

– И он лишает Иррис права выбора, при определённых условиях.

– «Определённых условиях»? А как же отклик? Чувства? Ты что же, принудишь её силой? Разве так ты сможешь добиться желаемого?

– Она очень разумная женщина, поверь, и поймёт, что так лучше для всех. Когда она соглашалась на помолвку, она знала нас всего один вечер, и отсутствие чувств не мешало ей согласиться. Она может поначалу меня не любить, но моей любви хватит на нас обоих, – ответил Гасьярд тихо.

– Твоей любви? – спросила Эверинн недоумённо, а затем на лице её появилось понимание, и она воскликнула. – Ты же не... о Боги! Гас? Ты же не влюблён в невесту своего племянника?

Гасьярд метнул на неё холодный взгляд серых глаз, отошёл к другому окну и произнёс задумчиво:

– Нет... Но... Я влюбился в Регину Айфур в тот день, ко-

гда приехал сватать её за Салавара. Если уж говорить о проклятьях, Эв, то нет худшего проклятья, чем любить невесту своего брата. Ведь это именно я должен был совершить ритуал, соединить их, держать их за руки. Это было невыносимо, – он разглядывал гору и море в лёгкой дымке раннего утра, – Иррис очень похожа на неё, и я как будто снова вернулся на двадцать пять лет назад. Так что мне есть чем зазечь в ней огонь, Эв.

– Это какое-то безумие, Гас! – она всплеснула руками. – Поверить не могу! А как же Себастьян?

– Он знал, на что идёт. Салавар сказал ему о том, что написано в соглашении о помолвке, о возможных вариантах. Я даже больше тебе скажу, теперь уж нет смысла это скрывать...

Гасьярд распахнул шторы и, засунув руки в карманы, стал смотреть на конюха, ведущего пару осёдланных лошадей к заднему крыльцу.

– Что скажешь? Что скрывать?

– Салавар хотел сам жениться на ней.

– Что? – Эверинн встала. – Силы огня! А это каким же образом?

– Мы говорили с ним в тот вечер в Мадвере, и он приказал мне внести в соглашение один пункт.

– Какой ещё пункт?

– Тот, который позволял бы изменить условия соглашения в пользу другого. Он собирался бросить Хейду, если всё

получится.

– Бросить Хейду? Силы огня! – воскликнула Эверинн. – И Себастьян знал об этом? О том, что на ней хочет жениться Салавар?

– Нет. Этого он не знал.

– Но ты говоришь, он знал про этот пункт в соглашении?

– Он знал лишь, что если вдруг по каким-то причинам не удастся соединить их ритуалом, то Салавар отдаст Иррис другому из своих сыновей, с кем это будет возможно. Об остальном Салавар умолчал, а Себастьян не читал соглашения.

– Это всё слишком неожиданно. Мне надо это всё обдумать, – произнесла Эверинн, собираясь уходить. – Зная тебя и Салавара, я нисколько не сомневаюсь, что бедняга Себастьян был для вас только приманкой, чтобы заманить сюда дочь Регины Айфур. И провалиться мне на этом месте, если всё это не придумал именно ты ещё в Мадвере!

Уже в дверях, она обернулась и спросила:

– Ответь мне на один вопрос – почему ты сам не женился на Регине Айфур, когда она бросила Салавара? Если ты её любил? Ведь проклятье тебя не касалось.

Гасьярд повернулся и прислонился спиной к стене у окна, лицо его при этом оставалось в тени. Он скрестил руки на груди и ответил с какой-то странной печалью в голосе:

– Потому что, не смотря на всё, что он сделал, она любила Салавара. А я был просто ещё одним из дома Драго, тем, кто

всегда был рядом, но оставался абсолютно невидимым для неё. Она бы не смогла жить со мной и видеть рядом Салавара. Она кричала, что ненавидит всё с нами связанное, и не желает знать о нас ничего, никаких напоминаний. И проклинала нас гневом Богини Айфур. Даже отец не мог её успокоить. Она была ужас какая упрямая и своенравная, она ведь сама была Потоклом. И как все своевольные Айфуры, она сделала так, как решила – бросила всех, оборвала все связи и сбежала с кахале в какую-то глушь. Он был её другом, не сомневаюсь, что влюблённым по уши, потому что её нельзя было не любить, а он ходил за ней по пятам, как ручная собачонка. И она написала в прощальном письме, что лучше подарит счастье тому, кто его по-настоящему заслужил своей верностью и порядочностью, чем будет жить с подлецом и лжецом. Такая вот она была. Их искали, но не нашли. А когда нашли – было поздно, они уже поженились. Я хотел бы её забыть, я даже сам вскоре женился, ты знаешь, но... нельзя ложиться в постель с одной женщиной и всё время представлять на её месте другую. Вот и не получилось ничего. А потом я даже как-то привык к одиночеству. Заклинателю, знаешь ли, всегда есть чем заняться. И всё почти забылось, но судьба посмеялась надо мной – я встретил дочь Регины Айфур в каком-то захолустье в Мадвере. Когда мы вошли в тот дом, промокшие до нитки, и я увидел, как она смотрит на меня глазами Регины – всё вернулось, будто и не было двадцати пяти лет. И вот как ты теперь думаешь, хва-

тит моей любви на нас двоих?

– Почему ты никогда не говорил об этом? – спросила Эверинн тихо.

– Потому что о таком вообще не говорят.

– Но почему рассказал мне сейчас?

– Потому что Регины больше нет. Давно уже нет, она добровольно убила себя этим браком с кахоле. И Салавара тоже нет. Так что теперь эта тайна не имеет значения. А ещё потому, чтобы ты понимала, что этот союз имеет для меня огромную ценность. И я буду очень бережно относиться к нему, я буду аккуратен с её даром, я буду любить её, как никто, и сделаю то, что нужно нам всем, нашему Дому. И уж поверь, сделаю это лучше, чем Себастьян, потому что знаю этому настоящую цену. Я исправлю ошибку Салавара.

– А если ничего не выйдет? Как сейчас у Себастьяна?

– Если ничего не выйдет, то я сделаю так, что Иррис просто передаст Поток нашим детям, как сделала это Регина, передав его нетронутым своей дочери. И он всё равно останется в нашем доме и возродит нас в следующем поколении. Это я могу пообещать.

Они стояли и молча смотрели друг на друга, а потом Эверинн усмехнулась горько и произнесла, взявшись за ручку двери:

– Я не против тебя, как верховного джарта, Гас. Ты умный и дипломатичный. В тебе нет безумия Салавара, и если всё о проклятии правда... И правда то, что ты сейчас сказал об

Иррис, то, может быть, ты будешь даже лучшим верховным джартом из возможных. Если ты, в самом деле любишь её и будешь осторожен, может, всё и получится. Во всяком случае, я надеюсь, что безумие вокруг нас, наконец, закончится. Поэтому, да. Я поддержу тебя.

– Только пока не стоит никому об этом знать, – негромко произнёс Гасьярд, не спуская с Эверинн немигающего взгляда.

– Я никому не скажу. Я, может быть, больше всех хочу, чтобы всё, наконец, успокоилось. И мне не нужна ещё одна война всех со всеми.

– Хорошо, а я поговорю с астрологом, надо посмотреть, как сошлись звёзды над вчерашним балом, может удастся выяснить что-то ещё.

* * *

– Тут бы рану зашить! Вот ежели бы сразу! Но ты же где-то шлялся всю ночь! Теперь уж пусть так зарастает. Да можешь ты посидеть спокойно, мой князь? Ты же не хочешь ходить с таким лицом, будто тебя кошки подрали? – восклицал Цинта, пытаясь наложить на скулу Альберта мазь из ардийской смолы.

– Это были розы тёти Эв, кажется.

– Пфф! Розы! Ну вот. К полудню будешь уже, как новый! Альберт сидел на стуле, а Цинта старался, как мог, при-

вести в порядок его разбитое в драке лицо.

– Ты слишком печёшься о моей шкуре. Забыл, что шрамы украшают мужчин? – буркнул Альберт.

– Шрамы от ран, полученных в бою, может, и украшают мужчин. А вот шрамы, полученные в пьяной драке с братом, на балу, посвящённом помолвке другого брата, украшают только дураков! – философски изрёк Цинта.

– Смотрю кто-то нынче слишком дерзкий, – ответил Альберт, тем не менее перестав пытаться вскочить, – но в этом ты, пожалуй, прав.

– И я снова прав? Владычица степей! – воскликнул Цинта. – Это звучит нехорошо! Ты опять что-то натворил? Кроме драки с Драгоярмом?

– А ты догадлив... Я действительно совершил одну невероятную глупость, и даже не знаю теперь, как это исправить.

– И что за глупость?

– Я опять просил Книгу желаний.

Цинта сел напротив князя, держа в руках банку с мазью и деревянный шпатель, и только покачал головой.

– И ты даже не хочешь узнать, о чём я её просил? – усмехнулся Альберт криво.

– Не надо быть астрологом, чтобы догадаться. Это погубит тебя, мой князь. Эта женщина убьёт тебя, так или иначе! – вздохнул Цинта. – Почему бы тебе не уехать прямо сейчас? Возьми деньги у Себастьяна, и давай уедем в Рокну? Купишь

домик, откроем лекарню, ты будешь писать сонеты у моря на закате, а я делать мази и настойки. И всё постепенно излечится. *Sublata causa, tollitur morbus.*⁴

– Нет, Цинта. Я не трус какой-нибудь, чтобы бежать. Даже мой отец не смог меня сломать, а он был тот ещё зверь, – Альберт встал и, посмотрев в зеркало на своё лицо в чёрных полосах смолы, добавил, – я смогу победить это чувство.

– Победить? – Цинта хлопнул банкой по столу. – Видать, совсем ты ум пропил, мой князь! Как, позволь тебя спросить, ты собираешься это сделать? Потому что одно дело спину кнутом драть – шкура-то и правда зарастёт, а другое дело – сердце! Оно не заноза, выдрать-то не получится! Получилось бы – давно бы выдрал, а не ходил к Книге на свидания.

Альберт обернулся, и Цинта подумал, что никогда ещё не видел князя таким... другим. Будто вся его бесшабашная весёлость вмиг ушла, а что-то появилось в этих серых глазах, какая-то затаённая, глубоко спрятанная злость, похожая на натянутую тетиву. И эта внутренняя сосредоточенность, превратившая его глаза в капли искрящейся ртути, по-настоящему испугала Цинту. Нет, эта злость не напоминала обычные вспышки ярости князя. Ничего из того, что заставляло Альберта совсем недавно гоняться за Цинтой с вертелом, в ней не было. Внутри него зияла рана, и постоянная боль, которую она причиняла, теперь питала эту злость.

– Я забуду её. Представлю, что её просто нет и не было ни-

---

⁴ *лат.* – с устранением причины устраняется болезнь.

когда. Она всего лишь женщина. Ты прав, мало ли женщин в этом городе! Что мне даст это всё? – он пожал плечами. – К тому же я ей безразличен, так было бы ради чего бороться.

– Кого ты пытаешься в этом убедить? Меня? Давеча ты говорил совсем противоположное насчёт безразличия! – удивлённо воскликнул Цинта.

– Я был глуп. Я думал... Дуарх знает, что я вообще думал! Наверное, я ошибся. Но если бы это было не так, если бы у неё были чувства...

Он развернулся и подошёл к окну, оперся рукой о стену и добавил тихо:

– Я видел её сегодня рано утром, когда возвращался сюда. Она выходила из спальни Себастьяна. В том самом голубом платье...

Повисла тишина, и Цинта подумал, что от этой тишины могла лопнуть голова, такой она была тяжкой.

– Значит, она хотела быть с ним, Цинта. Хотела так сильно, что даже не стала ждать свадьбы, которую и так решили ускорить. Пришла к нему сама... И я очень надеюсь, что Книга всё-таки не услышала меня вчера.

Он взял с вешалки кафтан и добавил с кривой усмешкой:

– Ты говоришь, сердце – не заноза? Но без сердца тоже можно жить. Мой отец вот жил. И прекрасно без него обходился.

Цинта посмотрел на Альберта и подумал, что все угрозы, а их он слышал от князя немало, всё это было ерундой,

неправдой. Что не собирался он его вертелом протыкать тогда, а вот сейчас...

Сейчас он даже не угрожал, но то, как он произнёс последние слова, Цинта понял – всё пропало.

– Куда ты собрался с таким лицом, мой князь?!

– Думаю, Драгояр выглядит ненамного лучше, – хмыкнул Альберт, нахлобучивая шляпу, – а я собираюсь принять предложение Милены.

– Милены? Охохошечки! Ты спятил? Этой королевы змей? Ты же обещал Себастьяну, что поддержишь его!

– Нет, Цинта, я его не поддержу.

– И почему?

– Потому что этот узел нельзя распутать, его можно только разрубить. Если победит Себастьян, я уеду. Если победит Драгояр, уехать придётся Себастьяну... вместе с ней. И при любом исходе я буду по другую сторону реки. А поддержи я Себастьяна, останься с ним, и мне так и придётся всю жизнь ходить вокруг них, как ослу вокруг мельничного колеса. А я, может быть, и дурак, но ослом-то уж точно быть не собираюсь.

Он прихватил баритту и вышел, хлопнув дверью.

Глава 19. Дневники отца

Утром за завтраком к ним снова присоединился Гасьярд. И хотя Иррис больше всего хотелось провести это время в одиночестве, но его пригласил Себастьян, и покинуть завтрак, сославшись на головную боль, было бы невежливо. К тому же Гасьярд был, как обычно, безупречно любезен и до дрожи внимателен. Он пришёл даже не просто так, а с корзинкой, полной зафаринских сладостей – подарком вчерашних послов, и сказал, что лишь хотел пожелать доброго утра, но при этом расположился за столом и взялся за чашку вполне по-хозяйски.

И впервые за всё, что Иррис находилась здесь, ей показалось, это странным. Его второе появление за завтраком выглядело отнюдь не случайным. Он был гладко выбрит, надушен, одет с иголочки и как-то по-особенному внимателен и заботлив. Они с Себастьяном обсуждали вчерашний бал, гостей, подарки и, конечно же, драку Альберта с Драгояром. Иррис почти не участвовала в их разговоре, но при упоминании вслух имени Альберта её сердце дрогнуло.

Ну почему даже его имя, сказанное кем-то невзначай, рождает волнение в её крови?

И она жадно прислушалась к словам, пряча взгляд в да-

лёкой синеве эддарской бухты. Себастьян предположил, что подрались они из-за какой-нибудь женщины Драгояра, и Гасьярд усмехнулся на это, сказав, что вполне может быть, потому что дразнить брата Альберту всегда было в радость.

Но мысль о том, что это правда, что Альберт дрался с Драгояром из-за женщины, была для Иррис неприятной. Она чувствовала вину за вчерашнее. А ещё раздражение и злость на свою беспомощность и зависимость, и на то, что она снова вынуждена делать то, чего совсем не хочет. На то, что все смотрят на неё, как на ценную вещь, на товар, и никто не видит в ней человека.

Разве что, Альберт...

И если отбросить его вчерашние признания в библиотеке, его слишком горячий поцелуй, если бы не этот огонь и дрожь в руках, она бы хотела с ним поговорить, потому что...

Он другой... Он не похож на них всех... Он, скорее, похож на неё... И он бы её понял...

А она отчаянно нуждалась в понимании. Вчерашний бал открыл перед ней ужасную картину её ближайшего будущего. Вчера, когда она плакала в кровати Себастьяна, она поняла, что испытывает лань, которую ведёт стая гончих. И ещё до завтрака решила поговорить с будущим мужем. Когда Се-

бастьян пришёл, Иррис позвала его на террасу и выложила напрямую всё, что её пугало: интриги, ненависть, бесконечная борьба за власть, жажда его родных оторвать от неё кусок.

Она говорила горячо, пытаясь выплеснуть все свои страхи, а в конце взяла его за руки и произнесла, почти умоляя:

– Ты говорил, что не совсем готов, что быть верховным джартом тяжело. Может быть, если для тебя это не так уж и важно, может быть, просто оставить эту борьбу? Отойти в сторону, уехать отсюда, пожениться и жить счастливо без всего этого! – она обвела руками дворец. – Я боюсь. Боюсь каждого взгляда, каждой встречи, каждой коробки или подарка, я боюсь балов и семейных обедов, и жду всё время, что меня оскорбят, ко мне прикоснутся или подложат змею. Как же можно так жить? Ты станешь верховным джартом, но ведь это всё вокруг не изменится! А я просто хочу для нас счастья. Разве оно в этом?

Себастьян вздохнул, они сели на большую скамью, и он произнёс, накрыв её руки своими:

– Я не могу уехать, Иррис, и всё бросить. У меня есть долг перед прайдом, я обещал отцу, и меня готовили к этому. А то, что мне трудно – это моменты слабости, я же мужчина, и я должен их преодолеть. Я должен справиться со всем этим, иначе кто я вообще такой? Сегодня мне попеняла даже Таисса, что она смогла бы лучше, – он усмехнулся, – а она всегда меня поддерживала. Так что, Иррис, я понимаю, тебе труд-

но, но мне не легче, и помнишь, ты спрашивала, как мне помочь? Так вот этим и помоги – своим терпением. Когда ты только приехала, то была полна решимости. Потерпи немного, скоро совет, потом мы поженимся, состоится поединок и всё закончится. Не надо так быстро сдаваться.

– А что будет потом? Они останутся все вокруг нас? Вот так же, как и сейчас? – спросила Иррис почти обречённо. – Может быть, мы могли хотя бы жить где-то отдельно?

– Это мой дом, Иррис, почему я должен из него бежать? – произнёс он, пожав плечами. – После поединка всё станет, как раньше. Они смирятся с властью нового главы Дома и займутся своими делами.

Иррис не ответила. Они посидели так некоторое время, Себастьян вздохнул и добавил тише:

– Я не буду утаивать от тебя Иррис, сегодня утром у меня был очень неприятный разговор с моей роднёй. От меня ждут, что ты и я... ускорили всё... между нами. Что связь проявится и даст прайду новую силу. И этого ожидают от меня – победы в поединке, и что ты поможешь мне в этом. Они давят на меня и хотят, чтобы я... я и ты... Ну, ты понимаешь, надеюсь... Им нужен отклик.

Она покраснела и отвела глаза.

– Я понимаю, – произнесла тихо.

– Но я не тороплю тебя. Когда ты сама захочешь...

А за завтраком Иррис смотрела в чашку и думала, что так отвратительно она не чувствовала себя с того самого момен-

та, когда тётя предложила ей стать куртизанкой в Рокне.

Всем нужен Поток, её сила, отклик, треклятый этот огонь и вихрь внутри неё, а она для них всех лишь сосуд, оболочка, ваза, и никому нет дела до того, что творится в её душе. Даже Себастьяну. Он слишком озабочен будущей борьбой и тем, что не может оправдать ожиданий своей родни, и он, как лошадь, на которую поставили много денег, видит перед собой лишь то, что не скрывают шоры.

И может, она не права, что просит его всё бросить и бежать, ведь это его дом и его жизнь, и, наверное, его место, но что делать ей? В этом доме нет ни одного уголка, где можно спрятаться, нет никого, с кем можно поговорить, некому выплеснуть свою боль, и никто не может её утешить или хотя бы понять.

В этот момент она снова подумала об Альберте. Он, наверное, мог бы подсказать ей, что делать, ведь он очень хорошо понимает, что значит быть на её месте. Но она обидела его вчера своим отказом, а ведь он спас ей жизнь, и танец такая малость! И она бы согласилась, конечно, если бы...

...если бы не его вчерашний поцелуй, который не оставлял ей никакого шанса.

Если бы не этот огонь и дрожь, и это безумие, заставляющее вращаться внутри неё вихрь и желать только одного... того, чего нельзя желать.

Ну почему? Почему они не могут быть друзьями?!

Как её отец и мать. Они вот могли подолгу разговаривать у камина, и спорить, играть в слова, обсуждать городские новости и политику, читать друг другу вслух, и ей всегда казалось, что вот так всё и должно быть между женщиной и женщиной. Почему же все её попытки сделать так же превращаются в катастрофу? Почему она вызывает у одних мужчин безудержное желание обладать, как у мэтра Гийо, Альберта или у Даррена – брата её первого мужа, а у других лишь желание её использовать, как у Салавара, например, или вот сейчас у Себастьяна?

– Я бы хотел пригласить тебя на небольшую прогулку в сад, Иррис, – голос Гасьярда вырвал её из этих размышлений, – Себастьян не против. Мне нужно поговорить с тобой... кое о чём...

Сердце у неё сжалось от нехорошего предчувствия.

О чём им говорить?

Но Гасьярд уже распахнул перед ней дверь и галантно согнул руку в локте, и, хотя ей и не хотелось его касаться, но отказать было бы невежливо. Они медленно двинулись по дорожке вдоль стриженной изгороди из падуба, и Гасьярд начал разговор о том, как Эверинн планировала этот парк, о строительстве дворца и породах лошадей. А Иррис шла и недоумевала, всё это было, конечно, интересно и познава-

тельно, но не за этим же он потащил её сюда? И только когда дорожка повернула в сторону оранжереи, Гасьярд внезапно спросил:

– Вчера на балу тебе ничего не показалось странным?

– Нет.

– И ты опять не спрашиваешь, что я имею ввиду под «странным»? – усмехнулся Гасьярд.

– Хорошо. Я спрошу. Что именно следует понимать под «странным»?

– Разное... Может, кто-то из танцующих был особенно настойчив? Кто-нибудь пытался м-м-м... воздействовать на тебя? Обещал ли кто-то что-нибудь вне рамок приличия?

– Вне рамок приличия? – воскликнула она. – Как это понимать?

– Прошу, не сердись, – голос Гасьярда стал ласковым, – я должен поговорить с тобой откровенно. Ты умная женщина и всё поймёшь. Я позвал тебя сюда, чтобы попросить о помощи.

– О помощи? – удивилась она.

– Да. Видишь ли, что-то или кто-то мешает мне закончить ваш с Себастьяном ритуал, – он говорил медленно, тщательно подбирая слова, – возможно, кто-то делает это специально. Ты же знаешь, будущий совет всех будоражит. И ты, твой Поток, реагирует на это, как вчера на балу... Ты же почувствовала его? Потому что я почувствовал...

Он посмотрел на неё внимательно. Очень внимательно.

– Я? – она смутилась. – Да, это было... как вихрь внутри.

– Вот! И я хотел попросить тебя вспомнить, что было необычного вчера?

– Нет. Ничего необычного.

– Хм. А в какой момент ты почувствовала этот вихрь?

После поцелуя Альберта. После его прикосновений... От его голоса, его слов... Да его взгляда было достаточно, чтобы этот безумный вихрь оживал! И даже одно лишь воспоминание об этом вызвало дрожь внутри, рождая тончайшее веретено...

Она отвернулась и сорвала с гибискуса большой красный цветок. Гасьярд не должен видеть её смущения. И он уж точно не должен знать об этой причине. Но, если это и правда мешает завершить ритуал, то...

Может быть, ей всё рассказать ему? Не Себастьяну, а ему? Может, он сможет избавить её от этого наважждения? Он ведь Заклинатель. И тогда ритуал будет завершён, и этот огонь больше не будет её мучить.

Но немигающий взгляд Гасьярда, слишком внимательный, слишком пронзительный, и его близость... Она вдруг вспомнила, с каким жаром он прижимал её к себе на балу, и передумала рассказывать.

– Я... Нет я не знаю. Кажется, когда начались танцы, – ответила она, спрятав лицо в цветок.

Но у цветка не было никакого запаха.

– Ты уверена? Может быть, всё-таки кто-то выделялся? Иррис? Посмотри на меня, – они остановились ровно на том месте, где она говорила с Альбертом впервые после помолвки.

Гасьярд развернул её к себе.

– Пойми, это очень важно, ведь иначе я не смогу соединить вас ритуалом. И вы не сможете пожениться. А ты ведь хочешь этого? – спросил он вкрадчиво, достал из кармана тонкий батистовый платок с монограммой и вдруг протянул руку к её лицу, коснувшись пальцем кончика носа. – У тебя пыльца... возьми платок.

Его платок пах терпко, духами, сандалом и чем-то горько-сладким, и запах этот был похож на дурман. Иррис вытерла нос ладонью, а платок поспешно вернула. И отступила на шаг назад, слишком уж откровенным было его прикосновение, слишком трепетным голос, и его забота показалась ей внезапно неуместной и пугающей.

– Почему я оказалась Потокком? – спросила она, чтобы избавиться от неловкости момента. – Что во мне такого?

– Потокком была твоя мать – Регина, – ответил Гасьярд, зажимая платок в кулаке, – если бы она и Салавар поженились, они бы создали новый Источник. Но, ты знаешь, что у них не сложилось.

– Почему?

– Салавар изменил ей, и она его бросила. Вышла замуж за кахале. А Поток передала тебе. Так что в этом, может, есть даже воля Богов, что наши Дома всё-таки соединятся. Может, Регина и не зря пожертвовала собой, – ответил он задумчиво, глядя на кружевную тень акации на дорожке.

– Что значит «пожертвовала»? – спросила Иррис, глядя Гасьярду в лицо.

Он как-то замялся, но она внезапно взяла его за предплечье:

– Прошу! Скажи!

Гасьярд, казалось, собирался с духом, но потом всё-таки ответил, отведя взгляд куда-то в сторону оранжереи:

– Когда она ушла из прайда, твой дед Айрен был так зол, что разорвал её связь с Источником. И она знала об этом. Она, конечно, могла прожить и без этого, как кахале, сохраняя свою силу и стараясь её не тратить, но и не получая новой. И даже родить детей, но... Если в таком союзе рождается человек, то ничего страшного нет. А если ребёнок окажется айяарром, то либо мать должна отдать ему свою силу, чтобы он жил, либо он умрёт. Но если мать отдаст свою силу ребёнку, она сама не сможет прожить достаточно долго. Пять, может, семь, может, десять лет и всё, – он посмотрел ей в глаза и добавил тише, – Регина передала Поток тебе вместе со всей своей силой.

Иррис отпустила его руку. Она стояла и смотрела, не в

силах поверить тому, что слышит. Она всегда знала, что её мать слаба здоровьем, что она больна и медленно угасает. Так ей говорили. Так говорил отец.

– Так это из-за меня? – спросила она, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

– Нет. Не из-за тебя. Она знала, что так может быть, но сама пошла на это, – ответил Гасьярд и осторожно приобнял Иррис за плечо. – Не вини себя, это был её выбор, она ведь любила тебя. И ты так на неё похожа.

– Наверное... Она, должно быть... очень любила отца, – произнесла Иррис тихо, – прошу прощения, я хочу уйти.

Она сбросила его руку с плеча, подобрала платье и быстрым шагом направилась к себе.

Как же так? Почему? Почему она не знала? Почему отец ничего не говорил об этом? А если бы у неё с Эрхардом были дети?! Она ведь могла умереть, как и её мать. Неужели он не знал о таком?

Она вспомнила последний год жизни её матери, наполненный тягостным ожиданием и тоской, серое лицо отца, и его кресло, в котором он дремал у её кровати, и книги, которые он ей читал...

Ей было проще, она была маленькой и не понимала всего. Но сейчас ей стало очень жаль отца, ведь, в отличие от маленькой Иррис, он знал, чем всё закончится.

Она подошла к сундуку, который привезла из Мадверы, тому самому, который успела забрать из флигеля перед отъездом – немного книг, письма, дневники и заметки отца. Иррис забрала его целиком, не разбирая, а вот сейчас ей захотелось прикоснуться к его вещам, погрузившись в прошлое. Она бросила на пол несколько подушек, присела рядом, откинула тяжёлую крышку, украшенную резным узором из цветов, и принялась бережно доставать одну книгу за другой.

Вся их библиотека ушла с молотка, здесь остались лишь самые любимые книги отца, с потёртыми переплётными и разбухшими от частого чтения страницами, видимо на аукционе никто ими не прельстился.

Философский трактат, который он любил перечитывать, сборник крылатых фраз, трагедии Флайса, книга о морских птицах с рисунками, большой географический справочник. Отец в молодости был дипломатом и много путешествовал. Здесь же лежал его дневник, который так и назывался: «Записки путешественника», она помнила, как отец сидел в кабинете, за окнами которого цвела розовым дикая мадверская вишня, и писал о далёких местах и нравах, попутно рассказывая о них Иррис. На полях так и остались его заметки, сделанные тончайшим пером.

Она погладила нежно истёртую кожу на переплёте и закладку из зелёной тесьмы, и на глаза навернулись слёзы. Далёкие моменты детского счастья. Позже она перечитает его

снова...

В самом низу под ворохом писем она нашла ещё один дневник, он был тоньше, чем «Записки путешественника», и его переплёт был обтянут синим шёлком, выцветшим по углам от времени и прикосновений. Она никогда не встречала этого дневника раньше, не видела, чтобы отец писал в нём, и поэтому открыла осторожно.

На первой странице красивым аккуратным почерком отца было выведено: «Моё сердце».

Она перевернула страницу.

«...Сегодня её не стало. Той, что была всем смыслом моей жизни. Моей Регины. И эту ночь, первую ночь без неё, я проведу наедине с этими страницами, как со своим единственным другом, которому я могу рассказать настоящую историю своей любви и боли. Я буду говорить с ними, и пока я пишу эти строки, мне будет казаться, что она всё ещё со мной...».

Иррис читала жадно, листая страницу за страницей, отмахнувшись от Арманы и полуденного чая и велев сказать всем, что ей нездоровится.

У отца был литературный дар, и он умел описывать всё так, словно погружал в те далёкие события. И постепенно перед ней нарисовалась картина, в которой Людвиг Рингард, красивый мужчина, дипломат на пике своей карьеры, ожи-

давший одну из высших должностей при дворе, прибыл в прайд Лучница по поручению короля решать вопрос о разрешении прохода судов через священный пролив Арф.

Мог ли он предположить, что там его встретит судьба или рок, или то, что он предпочитал называть капризом Богини Айфур, величайшая радость и величайшее горе, средняя дочь Айрена Айфура – Регина.

Он писал о том, как встретил её, мчавшуюся на лошади по побережью, где он и глава клана Заклинателей осматривали пролив. Как её волосы развевались на ветру, как она осадилла лошадь, и та затанцевала вокруг них, разбрасывая копытами песок. А Регина смеялась переливчатым смехом.

А потом был ужин, и их беседа о нравах при дворе, о книгах и музыке...

Прогулки по берегу моря...

Сначала, он, как мог, затянул дело, по которому его отравили. Потом написал королю, что по состоянию здоровья просит предоставить ему отпуск сроком на год. Снял комнаты и остался жить в Эоле. Айрен Айфур взял его к себе на службу, и так потянулись мучительные месяцы его жизни в прайде, когда любимая женщина была рядом и оставалась недоступной. Они стали лучшими друзьями, и он понимал, что у него почти нет шансов быть с ней, но сил её бросить у него тоже не было.

И, быть может, судьба развела бы их по разные стороны, потому что однажды к Айрену Айфуру прибыла делегация

из дома Драго. Звёзды сошлись, совпали линии, и Регина должна была стать женой верховного джарта Стрижей – Салавара Драго. Обоим прайдам это сулило небывалую удачу.

И глядя на то, как изменилась Регина, как засияла она рядом с Салаваром, как страстно она целовала его однажды вечером на берегу, Людвиг понял, что всё кончено. Айрен и Салавар договорились, скрепили намерения и поклялись в вечной дружбе. Салавара ждали дела в Ашумане, и он должен был уехать, чтобы вернуться ко дню, подобранному астрологом для официальной помолвки, после которой Регина должна была уехать в Эддар.

Она была безумно счастлива и делилась своей радостью со всеми, она готовилась к этой помолвке и ходила, едва касаясь земли. Три месяца томительного ожидания, и вот они снова вернулись. Людвиг знал, что её увезут в Эддар, и что ему следовало бы закончить эту агонию и уехать раньше самому, но он, как умирающий, который рад каждому глотку воздуха, благодарил Богов за ещё один день, прожитый рядом с ней.

А потом всё рухнуло.

Это место в дневнике Иррис перечитала несколько раз. И открытие её неприятно поразило. Потому что из этих строк она узнала, что именно Гасьярд рассказал Регине о том, что Салавар ей изменял, и о том, что эти три месяца в Ашумане у него была ещё одна невеста. Гасьярд передал Регине письмо от неё, в котором та просила её оставить Салавара, ведь она была беременна...

Скандал вышел ужасный. Салавар не отрицал, он даже просил прощения, говорил, что та женщина сумасшедшая и ничего для него не значит, но Регина не простила. В тот вечер она рыдала в объятиях Людвига, проклиная дом Драго на чём свет стоял, а потом сказала ему горячо:

– Ты ведь любишь меня, я знаю. Салавар не смог выдержать какие-то три месяца, а ты всё это время был рядом, и ты был верен мне без всякой надежды на взаимность! Твоя верность – самый драгоценный дар, а я просто была слепа! Женись на мне и увези отсюда. Я сделаю тебя счастливым.

Он обнимал её, поникшую от горя, и целовал её волосы, и понимал, что это неправильно, что он не должен её слушать и делать, как она говорит. Вот только эти слова сводили с ума его тоскующее сердце, и её лицо, прижимавшееся к его груди, и запах волос... И он не нашел в себе сил отказаться.

Но сделать его счастливым она так и не смогла.

«Она думала, я не вижу. Но у влюблённых очень острое зрение на предмет своей любви. И я надеялся, что смогу любить за двоих, заставить её открыться мне, и со временем стереть проклятого Драго из её сердца своей любовью. Но я не знал, что в тот день сердце её умерло, и теперь её безразличие убивало и меня, медленно и верно. Она слушала меня и улыбалась, она была очень мила и приветлива, нежна и терпелива, она заботилась обо мне, и о лучшей жене даже мечтать было нельзя! Но когда она смотрела на меня, то

видела во мне только брата, ребёнка, друга – кого угодно, но только не того, кем я хотел для неё быть. И она любила меня так же, как брата, всей душой, и отдала бы за меня жизнь, но мне нужно было только её сердце...

И мы как были, так и остались лучшими друзьями и близкими душами даже после свадьбы, читали вместе, гуляли, беседуя о книгах, и смотрели на закат, но тот свет, которым она светила раньше, тот свет, который исходил от неё рядом с Салаваром, он погас навсегда. Из неё ушла жажда жизни – мне досталось её тело, и ум, и душа, но сердце её навсегда осталось с ним.

И она думала, что я сплю и не слышу, как она иногда незаметно ускользает ночью, идёт на балкон и, подставив лицо западному ветру, сидит и тихо плачет, обняв себя за плечи. Сейчас я понимаю, что у нас с ней не было ни одного шанса на счастье. Она всегда, до последнего вздоха любила этого проклятого Драго. И если бы я только мог вырвать его из её сердца, я бы сделал что угодно для этого!

Если бы я знал, что её можно спасти! Я бы поехал к Айрену, упал бы на колени, попросил принять её в прайд, я бы отдал её обратно, лишь бы она жила. Но она молчала об этом до последнего, и угасла тихо, как свеча, потому что просто не хотела жить.

Но у меня осталась Иррис, моя маленькая девочка, и моя любовь. И я сделаю всё, чтобы она была счастлива».

Иррис закрыла дневник и долго сидела, чувствуя, как слёзы бегут по щекам.

Она видела Салавара в Мадвере, и, хотя он был уже изрядно потрёпан жизнью, но всё ещё сохранил былую красоту и величие. И она понимала, что если даже её тётушки не могли устоять перед той силой, что исходила от него, всего лишь случайного гостя, то, какие муки, должно быть, испытывала её мать все эти годы, если она его любила.

И смысл слов, сказанных Гасьярдом в Мадвере о странных шутках Богов, наконец, стал ей полностью понятен. Как будто их жизнь прошла какой-то заданный круг, и всё вернулось в ту же точку, повторив те же события, только теперь уже между дочерью Регины и сыном Салавара. Словно этот странный Поток внутри неё снова притянул друг к другу две их семьи, заставив повторить попытку, но уже теперь сделать всё правильно.

Ей было очень жаль их всех, попавших в ловушку глупого поступка Салавара, но вся эта история внезапно заставила её задуматься о том, что может быть и она стоит на пороге самой большой ошибки в своей жизни? И, может быть, её ждёт такая же судьба, какая постигла её мать? Только Регина хотя бы сама сделала свой выбор, а Иррис к этому выбору толкнули обстоятельства. Ведь она совершенно не понимает своих чувств, она не понимает, чего она хочет, и пытается решать умом, что ей делать, а ум, как показала история её матери, не самый лучший советчик.

Между самой последней страницей и коркой дневника, Иррис нашла письмо. Дорогая бумага даже не пожелтела от времени, просто истёрлась на сгибах, и она осторожно его развернула. Письмо было адресовано Регине – аккуратный бисерный почерк, тёмно-синие чернила. Оно было коротким, но полным страсти, отчаяния и мольбы.

То самое письмо, послужившее причиной расставания Салавара и Регины. Женщина по имени Адриана просила не оставлять без отца её будущего ребёнка.

Слёзы высохли.

Иррис долго сидела, обняв колени и положив голову на скрещенные руки, думала, вспоминая разговор с Гасьярдом о том, что кто-то мешает завершить ритуал. Она пришла к выводу, что каким-то странным образом связана с Альбертом. Всё это не случайно, и не может быть случайностью. Почему из всех возможных людей на той дороге в тот день и час ей встретился именно он? И если для того, чтобы соединиться с Потоксом, нужен специальный ритуал, то почему эта связь существует между ними без всякого ритуала?

Мысли теснились в голове, и прошлое смешалось с настоящим.

Почему Гасьярд отдал Регине это письмо? Почему Салавар в итоге всё равно не женился на этой Адриане, если помолвка была расторгнута? Ведь позже он взял в жёны Клариссу – мать Себастьяна. И, может быть, тогда история с проклятием – правда? Ведь если Салавар и в самом деле бросил

ту женщину, что могла она сделать, доведённая до отчаянья?

Иррис аккуратно сложила в сундук дневники, книги, и письма. Тщательно умылась, чтобы скрыть следы слёз, взяла дзуну и вышла на террасу. Она сидела в кресле, наигрывая грустную мелодию, но ум её работал напряжённо, перебирая всё то, что она сегодня узнала.

Ей нужно поговорить с Альбертом. Она должна понять, что он знает об этой связи, возникшей между ними. Откуда она? И почему они её чувствуют? Можно ли её разорвать? Ведь, может быть, это именно он создал её специально? Хотел подчинить её волю? А он мог так поступить, в этом она не сомневалась.

Или, может, всё дело в этом проклятье? Теперь она понимала, что, скорее всего, оно реально. А значит, она должна рассказать Альберту и об этом, и, может быть, тогда ей удастся распутать этот странный узел, в который их всех связала судьба.

А ещё ей нужно понять, что она на самом деле к нему чувствует. Ведь отец хотел, чтобы она была счастлива, разве она сама не хочет того же?

Тёплый ветерок коснулся её щеки. Она вздрогнула и обернулась. Слишком осязаемым казалось это ощущение. Она посмотрела на кусты гибискусов и роз, но там никого не было.

– Гас? – Эверинн удивлённо подняла бровь. – Что ты забыл у моей двери?

– Я ждал тебя, – Гасьярд оттолкнулся от перил и вышел из тени арки, увитой розами.

– Что случилось?

– Мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – удивилась Эверинн. – И какого рода помощь?

– Может, войдём? – Гасьярд указал на дверь в её покои. – Я не хочу разговаривать здесь.

Эверинн кивком пригласила его внутрь.

В большой комнате, обставленной изящной светлой мебелью, было тихо. Лишь часы на большом мраморном постаменте тикали чуть слышно, и сквозь приоткрытое окно ветерок шевелил голубой шёлк портьер. Гасьярд тщательно притворил дверь.

– Так что тебе нужно?

– Ты у нас большой мастер по части всяких мероприятий, и я хотел попросить тебя организовать какое-нибудь семейное сборище, обед или ужин, или что-то ещё, достаточно официальное, где соберутся все Драго, – произнёс Гасьярд, усаживаясь в кресло, предложенное Эверинн.

– И зачем это? – удивилась она. – Последнее время все се-

мейные торжества заканчиваются либо скандалом, либо дракой. Я бы воздержалась пока от подобных сборищ.

– Мне нужно проверить кое-что, а для этого надо собрать всю семью вместе.

– «Кое-что»? Можно ли подробнее, Гас? Я не хочу снова впутаться в какую-нибудь грязную историю со скандалом, дракой и взаимными обвинениями всех во всём.

– Мне нужно понаблюдать за семьёй.

– Я обещала тебя поддержать, Гас. И либо ты расскажешь мне всё, либо иди и сам занимайся семейными обедами! – отмахнулась Эверинн. – Меня тошнит уже от ваших интриг.

– Хорошо. Не кипятись, – Гасьярд смягчился, – тебе, я, конечно, всё расскажу. Но ты должна пообещать, что сохранишь это втайне.

– Гас, ты знаешь, что я никогда не болтаю лишнего. Говори уже.

Гасьярд сплёл пальцы, лицо его стало озабоченным и задумчивым.

– Я говорил с Иррис. И она сказала, что кто-то пытался на балу воздействовать на неё – соединиться с Потокком. Она не поняла кто, она ведь неопытна, сама понимаешь. Но теперь, мне нужно это выяснить, – он посмотрел на сестру, – Иррис была очень напугана, и попросила помочь. Я подозреваю, что это может быть попытка Драгояра и Милены, но нужно быть уверенным. Поэтому я прошу тебя собрать всех вместе под благовидным предлогом. И если случится какой-нибудь

скандал или драка, может даже и лучше – труднее контролировать силу. А я буду наблюдать и пойму, кто или что мешает мне завершить ритуал Себастьяна.

– Попытка Милены? Сильно сомневаюсь! – покачала головой Эверинн. – Как может кто-то неподготовленный пытаться соединиться с Потокom?

– Я не знаю! Так что тем более нужно понять, кто это был.

– Ну, хорошо, – Эверинн смягчилась. – Обед или ужин в честь старшего аладира Ирдиона устроит?

– И кто к нам пожаловал?

– Ребекка.

– Ребекка? Она что, в Эддаре?

– Ещё нет, но она на днях будет здесь. Сегодня пришло письмо. Я, правда, собиралась ограничиться ужином на четыре персоны, но раз уж ты хочешь развлечений...

– А цель приезда? Она же встречалась с Салаваром летом, чего это Орден зачастил сюда? – удивился Гасьярд.

– Магистр очень плох, и, похоже, скоро предстоит выбор на его место, так что все аладиры ищут союзников. У них те же проблемы, что и у нас, – усмехнулась Эверинн.

– Обед или ужин под таким предлогом прекрасно подойдёт. Учитывая, что у нас нет верховного джарта, и все в равной степени должны оказать ей уважение – ты умница, Эв! Ну чтобы я без тебя делал?

– Только без глупостей, Гас! Давай обойдёмся, всё-таки, без скандалов и драк?

– Это стоит сказать Альберту, он у нас считает, что праздник без драки – не праздник, – развёл руками Гасьярд.

– Я с ним поговорю.

– Спасибо, Эв.

Гасьярд улыбнулся ей и не стал задерживаться. Он прошёл через патио и остановился у западного крыла, в тени пальм, как раз там, где находились покои Себастьяна и Иррис. Посмотрел задумчиво на её окна.

Иррис соврала ему сегодня. И он это почувствовал. Она точно знает, что или кто будит в ней Поток, но скрывает это. Зачем?

Зачем она соврала? И как так получилось, что кто-то способен, минуя ритуал, прикоснуться к Поток? Неужели Таисса права, и это Драгояр? Он танцевал с ней больше всех и, может быть, Милена, эта белокурая змея, что-то придумала?

Гасьярд был расстроен, а такого с ним не было уже давно. Но даже не столько этой ложью и тем, что сам не смог заметить в чём дело, а тем, как Иррис отшатнулась сегодня от его руки и как поспешно вернула ему платок. Это почему-то задело его больше всего. Он всё ещё ощущал ноздрями нежный аромат её духов, а пальцы помнили вчерашний танец, прикосновения её руки, и тело невольно отзывалось на эти воспоминания. И из головы никак не выходил тот момент,

когда губы её были совсем рядом...

Кого же ты прячешь, Иррис?

Ничего! Он найдёт, в чём причина. И устранит её.

Глава 20. Хороший совет

– И ещё вопрос, всё-таки, с чего вдруг, Альберт? – спросила Милена, с треском распахивая веер. – Ты внезапно понял, что не хочешь быть двадцать пятым в очереди за куском пирога?

– Оставь свой сарказм Таиссе с Хейдой, – ответил Альберт, усаживаясь в кресло, – я бы хотел обсудить детали.

– Нет, ты должен ответить. Почему ты решил принять моё предложение? – спросила она прищуриваясь.

– Это важно?

– Важно. Потому что с тебя станется и попытаться меня обмануть, договорившись за спиной ещё и с дядей Гасом, – голубые глаза Милены холодно блеснули.

– Я поразмыслил над твоими словами и... не думал, что скажу такое, но ты была права насчёт количества желающих. Я и правда, не хочу быть двадцать пятым в очереди, – пожал Альберт плечами.

– И чего же ты хочешь?

– Патенты на торговлю, о которых ты говорила, меня бы вполне устроили. И к тому же я не горю желанием торчать при твоём дворе, как и ты едва ли жаждешь меня видеть здесь ежедневно. Так что управление портом и торговля будет лучшим выходом для нас обоих. Вдали друг от друга мы можем сосуществовать вполне счастливо.

– Ты что-то понимаешь в торговле? – хмыкнул Драгояр.

– Не стоит судить всех по себе, – ответил Альберт, не глядя, – или ты не допускаешь мысли, что кто-то может разбираться в том, в чём не разбираешься ты?

– Ты снова хочешь отведать моего кулака? – Драгояр оттолкнулся от стены.

Милена с треском сложила веер и шикнула на брата. Альберт встал и подошёл к окну, разглядывая сад.

Сегодня он не будет с ним драться.

Он что, и в самом деле хочет, чтобы они управляли прайдом? Положа руку на сердце, Себастьян был бы, всё-таки, лучшим верховным джартом. Пожалуй, ему стоит превратить патенты в деньги и уехать отсюда, как только такое станет возможным.

– Хорошо, я согласна, – ответила Милена. – Бумаги будут готовы до конца недели.

– А теперь, пожалуй, стоит обсудить, что я получу, если твой брат умудрится проиграть, – произнёс Альберт негромко, разглядывая две фигуры, гуляющие по парку.

Иррис и Гасьярд.

Они шли под руку, не торопясь, и очень мило беседовали. Гас что-то объяснял, указывая рукой то в одну сторону, то в другую, и выглядели они очень мило, совсем как старые друзья.

Что понадобилось этому лису от Иррис? Проклятье!

Ему было неприятно видеть их вместе, и, хотя он понимал, что ничего такого в их прогулке нет, но будь его воля, он бы как следует придушил дядю Гаса, потому что знал – Гасьярд ни с кем не гуляет просто так. Либо что-то вынюхивает, либо плетёт свои сети.

– Проигрыш мы не будем обсуждать, – ответила Милена.

– Так не пойдёт, сестрица, ведь противная сторона оплачивает моё участие независимо от исхода поединка.

Фигуры остановились, и Альберт увидел, как Гасьярд достал платок и коснулся им лица Иррис. И этот жест, в чём-то вполне невинный, ударил его в самое сердце.

Она гуляет с ним под руку, позволяет касаться своего лица, она танцует со всеми и только ему она отказывает во всём...

И умом он понимал, что эта ревность глупа, и что у него нет на неё права, что его злость не рациональна, и что поведение Иррис вполне логично, и ничего такого в их прогулке с Гасьярдом нет, но сердце не хотело подчиняться уму. Сердце гнало кровь по венам, заставляя биться пульс в висках, и хотеть только одного – сломать руку дядюшке Гасу, ту самую, в которой он держал треклятый платок.

Альберт отвернулся, ощущая ноздрями огонь, который подобрался уже к самому горлу.

*Забывать её. Забыть. Забыть! Он ведь себе поклялся!
Прочь из этого дворца...*

– Если ты будешь со мной торговаться, то я, пожалуй, отдам себя в добрые руки братишки Себастьяна, – зло бросил Альберт, – Дуарх с ним с портом, если Драгояр проиграет, его мне и так не видать, как своих ушей. Но патенты должны быть моими до поединка и независимо от его исхода. Так ты согласна?

Он смотрел на неё внимательно, и, наверное, что-то было в его лице, от чего Милена прищурилась и ответила коротко:

– Хорошо. Договорились. Но ты дай слово.

– И ты ему поверишь? – усмехнулся Альберт.

– Насколько я помню наше детство, слово своё ты не нарушал ни разу, – произнесла Милена с вызовом. – Или что-то изменилось?

– Даю слово.

– И ты вот легко ему поверишь? – спросил Драгояр удивлённо. – Тебе что, достаточно одного слова этого бастарда?

– Его слова мне достаточно, – ответила Милена.

– До встречи, – буркнул Альберт и спешно покинул комнату.

Разговор и так продлился почти час, и оставаться здесь

было выше его сил.

Он умылся прямо в фонтане, стирая с лица остатки чёрной смолы, и быстрым шагом направился к конюшням. Увидев Таиссу, которая садилась на лошадь, хотел уже пройти мимо, но она его остановила.

– Плохо выглядишь, – усмехнулась она уголками губ, вложив в эту усмешку всё своё высокомерное презрение, – а впрочем, ничего удивительного. Вы сцепились на торжественном приёме как последние дворовые псы – очень в твоём духе. Вижу, ты с утра уже побывал у Милены?

Альберт посмотрел на Таиссу с раздражением, и, хотя об их с Миленой договорённости следовало молчать как можно дольше, но злость, которая переполняла его со вчерашнего вечера, не давала мыслить рационально. Он хотел лишь одного – чтобы Таисса просто замолчала и оставила его в покое. Или, чтобы она, наконец, захлебнулась своей желчью.

– Нет лучшего времени для заключения союзов, чем утро, не находишь? – он подмигнул ей.

– Союз с Миленой? Ты серьёзно? – усмехнулась Таисса. – Ты за этим дрался вчера с Драгоярм?

Но непроницаемое лицо Альберта стёрло усмешку с её губ.

– А ты думаешь, я шучу? Деньги творят чудеса, сестрёнка! Что такое пара тумачков от Драгояра по сравнению с патентами на торговлю? Мы уже помирились и теперь лучшие друзья, – наступила его очередь усмехнуться. – Передавай

привет Себастьяну! Увидимся на совете.

Он редко видел сестру разъярённой. Таисса всегда отличалась холодным сарказмом и умением бить тонко и изящно, но сейчас её словно подменили. Таких оскорблений он не слышал даже от Милены, а уж та была гораздо более темпераментной и никогда не стеснялась в выражениях. Но сегодняшним утром сёстры словно поменялись местами.

Альберт не стал отвечать на её угрозы, развернулся и нырнул в тёмное нутро конюшен.

Что он вообще делает здесь, в этом зверинце? Зачем ему всё это? Он что, и в самом деле хочет всю жизнь сражаться со своей склочной роднёй? Выслушивать колкости сестёр и разбираться в хитросплетении их интриг?

Он ехал сюда, мечтая занять место верховного джарта, доказать всем, что...

А что он хотел доказать? Что он лучше их? Или что не хуже? Или что отец был не прав?

Так почему ему сейчас стало это безразлично? Почему ему наплевать? Как так случилось, что всё, чего он хочет – ту девушку в светлом платье, гуляющую по парку, и оказаться с ней как можно дальше отсюда?

И он точно не хочет служить Милене с Драгоярмом. И жить

под одной крышей с Таиссой. Но он дал слово и его придётся держать. По крайней мере, пока не состоится поединок. А потом... потом он уедет куда-нибудь. В Рокну, например. Будет писать сонеты у моря, а Цинта будет делать настойки и мази. Или что он там ещё хотел делать.

Но это будет потом, а сейчас ему нужно побыть некоторое время вдали от дворца и всех его обитателей.

* * *

«...и вот, Учитель, его нет уже третий день. Хоть и надоел я вам со своими жалобами, а не с кем мне поделиться, так хоть душу отведу в письме (вы, ежели оно вам надоело, не читайте, но так мне всё равно легче, как вроде я поговорил с вами)! Так вот, я ходил в Нижний город и нашёл его в порту. Есть там какие-то жуткие катакомбы, где собирается всякий сброд. Нет, и приличные господа там тоже бывают, делают ставки на кулачные бои. Вот там я его и нашёл – на арене. И сдаётся мне, что с самого того несчастного бала он ни одной драки там не пропустил. Мыслимое ли дело, валяться в грязи и лупить друг друга целыми днями на потеху публике! Но, надо сказать, что ставят на него хорошо, и из всех боёв он один только и проиграл, так что хоть какая-то польза с мордобития – денег подзаработал.

Толку, правда, с тех денег чуть, потому как он их все идёт

спускаться в бордель к некоей Вэйри, которая ему вроде как друг (так он сказал). И он сидит там в углу и пьёт напропалую уже которую ночь, и платит за то, чтобы заведение было закрыто. Так пить можно и дома! В бордель-то совсем за другим ходят, а он только пить! Хоть бы друзей каких позвал, ведь в день нашего приезда он такой праздник закатил в том же борделе, и народу было! А теперь он пьёт в одиночестве, а кто, скажите мне, пьёт в одиночестве? Тот же и оно! *Qui bibit immodice vina, venena bibit.*⁵

И спит он там же. Я даже к Мунсу ходил, просил его вразумить Альберта, да только он Мунса девкам сдал, а сам так и остался сидеть в углу. Я пытался поговорить с ним, но он сказал, что если я ещё раз приду, то он и меня девкам сдаст на растерзание, а если они не справятся, то утопит меня в бухте. А девки там очень уж боевые, но у меня теперь есть Армана, так что девки мне эти без надобности. И вот что мне делать? Видели бы вы его лицо! Гребцы на галерах и те краше!

Осталось у меня последнее средство, но чутьё мне подсказывает – плохая это затея. Приходила ко мне вчера леди Иррис – искала его. Сказала, поговорить надо. Не сказала, правда, о чём, но, надо думать, что-то важное, потому как была она очень уж грустная. И я всё ей рассказал про бои и про бордель и попросил написать ему записку, а я передам. Пусть он придёт сюда, во дворец, для разговора. Глядишь,

---

⁵ лат. – кто неумеренно пьёт вино, пьёт яд.

может ему и полегче станет. Так вот сейчас её и отнесу, и письмо вам заодно отправлю.

Всех Вам благ и долголетия, Ваш верный Цинта».

Девушка закончила смазывать ссадины на лице Альберта, а потом, оставив в сторону баночку, медленно провела пальцами по шее и улыбнулась призывно и маняще. Среди всех девиц в борделе, Розы по части врачевания была самой талантливой.

– Нет, Розы, не сегодня. Просто принеси ещё вина, – Альберт отвёл её руку, ссадил девушку, попытавшуюся забраться на колени, и потянулся за кубком.

Он только пришёл после боя. Скулу саднило от встречи с каменным крошечком арены, болело в правом боку – пропустил коварный удар противника, и разбитые костяшки пальцев напоминали о себе, стоило сжать руку в кулак, сразу же лопались засохшие раны. Но усталость и боль в мышцах была даже приятной.

Без очередного боя он теперь не мог заснуть – огонь сжигал всё внутри, и с каждым днём это пламя только росло, заставляя выходить на арену снова и снова. А вечера проводить в обнимку с вином, потому что мало замучить тело до полусмерти, нужно ещё и затуманить голову до бесчувствия, заставить себя перестать думать о том, что будит в крови этот сумасшедший огонь.

Это помогало, но ненадолго.

Боль отвлекала, ярость уходила в удары, словно вода в песок, а вино, как и положено, дурманило голову, но к утру всё возвращалось обратно. И на рассвете он снова смотрел на Большой дворец, подсвеченный розовым светом восхода, и ему казалось, что какая-то непреодолимая сила влечёт его туда, вытягивая из него душу. Он обливался холодной водой, упрямо наматывал кесты на кулаки и предплечья и снова шёл на арену.

Альберт откинулся на мягкую спинку кресла.

Он чувствовал, как мистресса Вэйри наблюдает за ним с другого конца зала. Она появилась из-за резных дверей и махнула рукой девушкам – отойдите, подошла, села поближе на обитый красным бархатом диван и наполнила его кубок.

– Какое горе ты пытаешься залить вином, Берти? – спросила тихо, глядя на него внимательно. – Ты проводишь здесь уже какую ночь, но только пьёшь беспробудно и платишь. Чтобы пить есть таверны и кабаки. Тебе не по нраву мои девушки? Скажи, в чём дело?

Он поставил локти на стол, посмотрел на Вэйри искоса, достал из кошелька горсть монет, только что выигранных в бою, и положил на стол перед мистрессой.

– Если я слишком мешаю, то вот, – он подвинул деньги ребром ладони, – закрой заведение на ночь и отпусти девушек... пусть делают... что хотят. А я посплю тут, в уголке. Я устал.

Вэйри грустно посмотрела на его опущенные плечи, на

кинжал, который он воткнул в столешницу, и, взгляд, бессмысленно блуждающий где-то на дне кубка, и, аккуратно сдвинув монеты в свою ладонь, махнула псу у двери, велев запереть и никого не пускать.

– Разбитое сердце? – спросила осторожно.

– Хоть бы и так, какая разница?

– Здесь лечат разбитые сердца, мальчик мой, ты же знаешь, – она повела рукой в сторону девушек, – выбери ту, что похожа на неё, отведи наверх и представь, что это она.

Альберт усмехнулся и выпил вино до дна.

– Если бы это меня вылечило, Вэйри, я бы жить поселился в твоём борделе. Но, боюсь, от моей болезни нет лекарства.

Мистресса махнула девушкам рукой, и они отвернулись, расселись на диванах в другом конце зала, а одна из них заиграла на клавесине грустную мелодию.

– Я бы хотела увидеть её, – произнесла Вэйри спустя некоторое время, – наверное, это необыкновенная женщина, раз она заставила тебя так страдать.

– Да. Необыкновенная. И, похоже, Боги решили, что я недостоин такой женщины.

– Ты достоин самой лучшей женщины, Берти.

– Почему ты так думаешь?

– У тебя доброе сердце.

– Доброе сердце? У меня? – он снова усмехнулся и посмотрел в тёмные глаза мистрессы. – С чего ты это взяла?

– Уж я повидала мужчин, поверь, знаю, что говорю, – она

чуть улыбнулась, – ты никогда ни разу не ударил и не обидел ни одну из моих девочек. Ты не бывал груб, не кричал и часто платил просто так, за веселье, и только потому, что тебе нравилась их радость. А кто, скажи, думает о том, чтобы радовать таких, как мы? Мужчины приходят сюда, чтобы покупать тела, они не видят в нас людей, они хотят лишь одного – выпускать на волю своих демонов. А ты ищешь любовь и приходишь сюда покупать именно её. Только бордель не то место, где её можно найти. Я умею читать в душах, Берти.

– Дуарх бы тебя побрал, Вэйри! – усмехнулся Альберт, подвигая ей кубок и наливая до краёв. – И что же ты прочла в моей?

– Ты хочешь любви, – ответила она, чуть пригубив вино, – хочешь, чтобы тебя любили, я вижу эту жажду. И вижу также, что мои девочки не могут дать тебе такой любви, какую ты ищешь. Но ты красив и молод, у тебя есть деньги, ты можешь стать самым верховным джартом, и ты из Дома Драго. Я знаю, что в Эддаре многие женщины мечтали бы заманить тебя в свою постель и одарить любовью. Так в чём дело? Почему ты ещё здесь? Чего именно ты хочешь, Берти?

Он сжал руку в кулак, глядя, как на костяшках от натяжения трескаются едва затянувшиеся раны и выступают капли крови.

– Я хочу, чтобы меня любили просто так, таким, какой я есть, – ответил он тихо, – не за что-то... Не за деньги, не за то, что я из дома Драго... Не за то, что я могу стать верхов-

ным джартом... Чтобы она любила меня... просто любила...

– Все хотят такой любви. Начиная с того дня, когда мать впервые берёт ребёнка на руки, всё, что ему нужно – её любовь. Именно такая, не за что-то... просто потому, что он есть. И до последнего дня это единственное, что нужно нашей душе – иначе она пуста, – произнесла Вэйри грустно.

Альберт выдернул кинжал и положил его на край стола.

– У меня не было матери, и я такой любви не знал. Отец меня ненавидел... Да все ненавидели. Была няня, очень давно... Только она, пожалуй, и любила меня, но отец усматривая, сказав, что бастардам нужно заботиться о себе самим. Во всём мире есть только один человек, которому на меня не наплевать, – произнёс он с иронией.

– Ну, хоть один-то есть.

Альберт посмотрел на мистрессу.

– Печально, что этот человек – я. Хотя, может, вот ещё Цинта беспокоится за меня – уж не знаю, что он во мне нашёл. И ты права насчёт пустоты в душе. Я хочу заполнить эту пустоту, и я нашёл ту, кто может это сделать, – в глазах Альберта вдруг появилось сияние, серое облако тумана растворилось в стальной блеск и замерцало мягким светом, – и я бы отдал ей всё – всю свою душу, всего себя, до капли... без остатка... Но ей это не нужно. Она не хочет меня... Она ранила меня стрелой, Вэйри, вот сюда, в шею – жаль, что она не убила меня прямо там!

Он выпил вино залпом и стукнул кубком по столу.

– Она любит другого?

– Я... не знаю. И лучше бы и не знать! Потому что так есть хоть крошечная, но надежда. Но каждый раз, когда я рядом с ней, я всё разрушаю, я не владею собой, я пытаюсь вырвать из неё признание, и от этого только хуже. Теперь она меня избегает. И эта страсть – она меня пожирает изнутри, потому что я никак не могу получить то, чего хочу.

– А чего именно ты хочешь, Берти? Чтобы она любила тебя так же страстно, как ты её? Что ты хочешь, чтобы она сделала? – Вэйри спросила тихо и придвинулась чуть ближе.

– Всё, чего я хочу, чтобы она просто сказала «да». Что она просто любит меня, неважно как, пусть не так сильно, как я – кто-то всегда любит меньше. Я согласен и на это. Согласен ждать, сколько нужно, если бы она только дала мне надежду! – ответил он горько.

– А ты говорил ей это? То, что сейчас говоришь мне?

– Нет. Она и слушать меня не станет. Она меня боится.

– Потому что ты требуешь от неё признания?

– Да... наверное.

– Ну так перестань требовать, Берти! Как мать любит своего ребёнка? Она отдаёт, ничего не прося взамен, она просто хочет, чтобы он был счастлив. И ты попробуй просто отдавать. Возьми всю свою страсть и преврати в любовь, и отдавай без остатка, как ты и сказал. И поверь, если в ней есть к тебе чувства, она не устоит. Ни одна женщина против этого не устоит.

Он посмотрел на Вэйри внимательно, чёрные глаза мис-трессы лучились пониманием, она накрыла его руку ладонью и добавила тише:

– Будь с ней рядом, согрей её своей любовью. Погаси этот пожар, ведь никто не хочет стореть заживо, а вместо этого подари ей тепло – свою заботу и внимание. Пусть она увидит твою душу, и как птица, которая видит уютное гнездо, однажды она захочет в нём поселиться.

– Ты удивительная женщина, Вэйри, – он похлопал её по руке, – и очень чуткая. Но дело в том, что твой совет мне не подходит. Она – невеста моего брата. И я не могу быть рядом и заботиться о ней так, чтобы не скомпрометировать её. Потому что... у меня же всё на лбу написано! И я думал... нет, я надеялся, что если она испытывает такие же чувства, то её страсть могла бы разорвать эту помолвку. Но её ум и воля сильнее её чувств, а мне нечего им противопоставить. Нет ничего хуже волевых и умных женщин! – усмехнулся он, наливая ещё вина. – Она избегает меня и прячется очень старательно. Она даже в глаза мне не смотрит!

– Ты ещё так юн, Берти, – усмехнулась Вэйри и дотронулась до его плеча, – я дам тебе другой совет. Прислушайся к нему, если хочешь быть счастлив. Если бы её воля была крепка, а чувства поверхностны, не стала бы она тебя избегать. Она бы тебя дразнила, намекала и отталкивала, но не подпускала бы слишком близко, она всегда держала бы тебя рядом, ведь это удобно – иметь в запасе такого пылкого по-

клонника. А если она тебя избегает, если не смотрит в глаза, не делает намёков, поверь, она прячется от тебя именно потому, что боится не совладать со своими чувствами, потому что не доверяет своей воле и уму. И ты будешь просто дураком, если отступишься прямо сейчас!

Альберт покачал головой и ответил:

– Нет, Вэйри, я не могу быть послушным и ходить за ней тенью. Рядом с ней я не владею собой. Наверное, Цинта прав, я случайно могу просто сломать её, как тот цветок, потому что во мне сейчас слишком много ярости. Поэтому мне лучше держаться подальше от неё. Я поклялся её забыть, и я забуду. Я буду пить и драться до тех пор, пока что-то из этого мне не поможет и не вылечит от этой болезни. Или не убьёт меня окончательно. Так что поставь тут ширму, завтра я снова приду сюда ночевать. И, кстати, раз уж ты сегодня решила составить мне компанию, давай поговорим лучше о тебе. Всегда хотел спросить – почему ты стала мистрессой?

– Не думаю, Берти, что сейчас тебе нужно знать мою историю, к тому же, – Вэйри кивнула на дверь, – к тебе пришли.

Цинта осторожно пробирался вдоль стены, бросая косые взгляды на девушек в красных корсажах и сетчатых чулках. Одна из них направилась к нему, но Цинта быстро преодолел расстояние до Альберта и подсел к нему с другой стороны.

– Я же сказал тебе не приходить, какого гнуса ты здесь забыл? – спросил Альберт, подвигая ему кубок и наливая вина. – Или ты пришёл к ним?

Он указал кубком на Розу, которая, закусив губу и выставив вперёд ножку в изящной туфельке, весьма недвусмысленно рассматривала нового гостя.

– Я принёс тебе записку, – шепнул Цинта, протягивая ему сложенный вчетверо листок.

– От кого?

– Сам посмотри.

Князь развернул листок, пробежался по строчкам, и Цинта мог бы поклясться, что почти ощутил кожей дрожь пламени, исходившего от него.

– Она хочет меня видеть? – спросил Альберт хрипло. – Зачем?

– Я не знаю. Она просто просила передать записку. Я передал, – Цинта подумал, что сейчас был очень опасный момент, потому что на лице у Альберта застыло такое выражение, как будто в спину ему только что вошла стрела.

Князь встал, молча схватил баритту и шляпу и быстрыми шагами направился к выходу, а Цинта рванул следом.

Вэйри лишь усмехнулась и, убирая со стола бутылку, произнесла вслух:

– «Я поклялся её забыть, и я забуду». Ну кто бы сомневался!

Альберт вскочил на коня, на ходу спрашивая Цинту:

– Как я выгляжу?

– Как младенец в розовом пуху!

– Хочешь отведать кулака?

– Ты выглядишь так, будто три дня валялся в вонючей яме, тебя били сапогами по морде, а потом ты ещё и пил неделю беспробудно в борделе, мой князь! Вот как ты выглядишь! Сам будто не догадываешься! В таком виде я бы даже на конюшне не рискнул показаться.

– Проклятье! – рыкнул Альберт, стегнул лошадь и помчался, как одержимый, в сторону холма.

– Охохошечки! Владычица степей! Плохая была это затея! Очень плохая!

И с этими словами Цинта поскакал следом.

* * *

Иррис думала, что сможет поговорить с Альбертом в тот же день, когда прочла дневник отца. Она вышла на прогулку в сад, долго бродила по дорожкам, поглядывая на окна Большого дворца, но он так не появился. Остаток дня она провела в библиотеке, жадно читая книги об айяаррской магии и где-то в глубине души надеясь, что, возможно, он заглянет туда. А вечером она ужинала с Себастьяном на террасе и рассеянно ковыряла вилкой еду, потому что у неё накопились вопросы, а ответов по-прежнему не было.

В одной из книг она нашла описание ритуалов, связывающих одного айяарра с другим, их было множество, и у каждого были какие-то особенности: помолвка, свадьба, соединение ученика с учителем, лекаря с больным, связь для по-

единка...

Она вспомнила их с Себастьяном помолвку – то, что делал Гасьярд, совпало с описанием. Она прочитала и то, что следует за ритуалом, как правильно открываться друг другу, какие будут ощущения, что положено чувствовать, и поняла одно – она не чувствует с Себастьяном ничего из того, что описано в книге. Как будто между ними и вовсе нет никакой связи. А все их чувства – обычные чувства людей, которые просто приятны друг другу. Пожалуй, почти так, как у неё было с Эрхардом.

Зато описание полностью совпало с тем, что происходило с ней, когда рядом был Альберт.

Что же это такое? Откуда эта связь? Может Гасьярд что-то перепутал?

Она сослалась на головную боль и после ужина быстро ушла к себе в комнаты. Сидя в кресле на балконе, скрытая от посторонних взглядов ковром из выющихся роз, она стала перебирать в памяти всё, что так или иначе было связано с Альбертом с самого первого мгновенья их встречи.

Иррис вспомнила, как сидела мокрая, дрожа от холода и страха, так, что зуб на зуб не попадал, и целилась в высокого мужчину, который осматривал её карету. Тогда у неё от пережитого ужаса рассудок совсем помутился, потому что Альберт выглядел кем угодно, только не разбойником, но она,

тем не менее, выпустила три стрелы и едва не убила его.

Боги милосердные! А если бы она попала?

Но потом она поняла, что ошиблась, и ей даже стало стыдно. И когда он подошёл, она подумала, что никогда не видела такого пронзительного взгляда. И удивилась тому, как быстро между ними возникло понимание. Почти сразу. С первых слов, с того мгновенья, когда он из-за кареты показывал ей перстень гильдии лекарей не совсем приличным жестом. А когда он коснулся её руки, что-то случилось, но тогда она решила, что просто у неё от страха и боли кружится голова и мерещится всякое. И только теперь она поняла, что вот тогда это и произошло впервые – когда он коснулся её руки. Это тепло, которое полилось в её ладонь...

И потом снова, раз за разом... Когда он лечил её ногу, когда она прижигала рану у него на шее, когда гроза ударила в дерево и они стояли, обнявшись над ревушим ручьём, это тепло постепенно наполняло и пьянило её всё сильнее и сильнее. И когда она танцевала в чане, то уже была совсем пьяной от того жара, который исходил от Альберта. Она смотрела на него и улыбалась, потому что ей и правда нравился его взгляд, и улыбка рвалась с губ помимо её воли.

И поцеловала она его не потому, что он заставил...

Она ответила на поцелуй, потому что этот жар манил, вызывая странную жажду и заставляя хотеть ещё.

Боги милосердные! Почему же она раньше не поняла всего этого?

Это произошло там, на озере, Альберт соединил их вместе, только непонятно как, и теперь с ним она ощущает то, что должна ощущать с Себастьяном! Вот почему у них ничего не получилось – нельзя создать одновременно две связи. Странно, что Гасьярд этого не понял.

Но зачем Альберт это сделал? Хотел затаячить её в постель? Получить благодарность за спасение? И почему не разорвал эту связь позже, когда узнал, что она невеста его брата? Хотя... учитывая их отношения, это больше похоже на месть Себастьяну.

Как он мог?! Хотя, мог, конечно. Достаточно вспомнить то, что было за столом в день их помолвки. Да он просто негодяй! Подлец! Он заставил её мучиться угрызениями совести, и ему нравилось это – наблюдать за её муками!

Она от ярости даже закусила губу. Теперь, когда она, наконец, поняла, что произошло, ей стало даже как-то легче. Значит, это всё магия. Вот в чём причина! А вовсе не в её запутанных чувствах. Иррис готова была пойти к Альберту и снова отхлестать его по лицу, как там, на озере, и высказать ему всё, что она думает. И заставить оборвать эту связь. Но

идти ночью в комнату к чужому мужчине было слишком уж неприлично.

А если он откажется разорвать эту связь? Тогда она всё расскажет Гасьярду! Он хотел знать – так вот и ответ! Гасьярд ведь Заклинатель, он знает, что нужно делать.

Она легла спать, но сон не шёл, и Иррис снова и снова мысленно перебирала моменты их неловких разговоров и встреч, и что-то было в этом всем неправильное. Или чего-то не хватало. Она никак не могла понять, почему же Альберт не может управлять тем, что создал. Ведь то, что она прочла в книгах, не совпадало с тем, что она видела. Связь создаёт Заклинатель и он может обратить ритуал, потому что он бесстрастен. Но Альберт не Заклинатель, и то, что она могла прочесть на его лице, говорило о том, что от этой связи он не испытывает особого удовольствия.

Так в чём же дело?

Утром, увидев в окно Гасьярда, идущего с коробкой конфет на их террасу к завтраку, она схватила мольберт и краски и убежала в сад, велев Армане сказать, что сегодня не станет завтракать. После вчерашнего ей не хотелось разговаривать с Гасьярдом. Ей хотелось побыть одной и разобраться во всём. А ещё ей нестерпимо хотелось поговорить с Аль-

бертом, высказать ему всё, потому что за эту ночь она почти возненавидела его. И разорвать эту связь, лишаящую её воли, заставляющую думать о нём, о его голосе, о пронзительном взгляде и прикосновениях, и ощущать жар под кожей, от которого подгибались колени. Ей хотелось того, о чём ей, невесте Себастьяна, даже думать нельзя, не то, что хотеть! Эти желания были постыдными, ужасными и навязчивыми, и они пугали её. Иррис была полна решимости и даже приготовила обвинительную речь, но время шло, а Альберт так и не попался у неё на пути. И к вечеру решимость наполовину ушла.

Себастьян пригласил её в театр. И они поехали туда, на большую площадь, в здание с множеством колонн из розового мрамора. В этот день состоялась премьера новой пьесы, и театр был полон, но представление совершенно не увлекло Иррис. Да что там говорить, она его почти не видела. Она смотрела на соседние ложи, где сидели Милена, Драгояр и Хейда. Таисса, Истефан и Эверинн в другой ложе, даже Тиббор в розовом фраке, я рядом – Гасьярд, не сводивший с Иррис глаз, но Альберта нигде не было, и ей вдруг стало как-то тоскливо и холодно. И хотя на улице была ранняя южная осень – то же лето, только без изнуряющей жары, но холод поселился где-то внутри, словно из её души постепенно уходило то тепло, которым с ней всё это время делился Альберт.

Куда же он делся?

Теперь она была зла на него. Зла за то, что он всегда появлялся так некстати, но сейчас, когда он нужен, его не было поблизости. И она снова прокручивала в голове речь, только в этот раз в ней было уже меньше резких слов.

К третьему дню она совсем отчаялась. И хуже всего было понимание, что это всё не от неё зависит, это всё просто магия.

Ну а что ещё это могло быть?

Что ещё могло заставлять испытывать эту ноющую боль в груди? Заставлять думать о нём, вспоминая моменты их встреч, его лицо в библиотеке, когда он рассказывал ей о своём детстве, его улыбку, такую искреннюю и открытую, слышать его голос в голове и оглядываться на каждое дуновение ветра?

Что это, если не магия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.